

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

И. В. ПИЛИПЕНКО,

кандидат географических наук, магистр государственного администрирования (МРА), Директор Института исследований проблем конкурентоспособности, экономической устойчивости и международных финансов, Департамент мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
E-mail: ivpilipenko@fa.ru; i-pilipenko@yandex.ru

В данной работе выделены три подхода в отечественной экономической науке к изучению рыночных реформ в бывших социалистических странах. Анализируется динамика основных макроэкономических показателей, определяющих уровень социально-экономического развития Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и России в 1990-2010 гг., особенности экономики переходного периода и изменения институциональной структуры хозяйства стран-членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) как на макроуровне, так и по большинству сфер компетенции ЕАЭС. Выявлены степень продвижения по пути реформ и имеющиеся разрывы между государствами-членами в развитии институтов для учета этих факторов при планировании процесса гармонизации законодательства и координации политики в отраслях экономики с целью обеспечения свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы в рамках единого внутреннего рынка ЕАЭС.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, переходная экономика, рыночные реформы, переходный процесс, институциональное развитие, постсоциалистические страны, свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы

Investment, financial and management analysis

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF SOCIAL-ECONOMIC AND INSTITUTIONAL DEVELOPMENT OF MEMBER STATES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

I. V. PILIPENKO,

Candidate of Geographical Sciences (PhD), Master of Public Administration (MPA)
Director of the Institute for Competitiveness, Economic Sustainability and International
Financial Studies, Department of World Economy and World Finances, Financial
University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
E-mail: ivpilipenko@fa.ru; i-pilipenko@yandex.ru

This article distinguishes three major approaches in the Russian economic science to study market reforms in postsocialist countries. We analyse the evolution of macroeconomic indicators that reflect the level of social and economic development of Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyz Republic and the Russian Federation in the 1990-2010s as well as characteristics of economies in transition and changes in the institutional structure of the Eurasian Economic Union member states at a macro-level and in accordance with most competences of the EAEU. The article reveals prog-

ress along the reform path and gaps between member states in terms of institutional development. These factors might be taken into account while planning the process of legislation harmonization and coordination of economic policies to enable free movement of goods, services, capital and labour within the single internal market of the EAEU.

Keywords: Eurasian Economic Union, economics of transition, market reforms, transition, institutional development, postsocialist countries, free movement of goods, services, capital and labour.

Формирование 1 января 2015 г. Евразийского экономического союза (ЕАЭС) на базе Таможенного союза, образованного в 2010 г., и Единого экономического пространства Белоруссии, Казахстана и Российской Федерации, сформированного в 2012 г. в рамках Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), с присоединением к ЕАЭС Армении (с 2 января 2015 г.) и Киргизии (с 12 января 2015 г.) определило необходимость проведения пятью странами-членами ЕАЭС «скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики» согласно Ст. 1 об образовании ЕАЭС для обеспечения свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы.¹

Несмотря на историческую общность народов пяти стран, всеобъемлющие экономические связи, сформированные в рамках единого народнохозяйственного комплекса СССР, общее языковое пространство и функционирование Содружества Независимых Государств, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Россия прошли за 23 года независимости свой особый путь экономического развития и институциональных преобразований в процессе перехода от плановой к рыночной экономике. В республиках сформировались различные институты политического лидерства, обусловленные социально-культурными особенностями пяти стран, свои устойчивые интересы и приоритеты в торгово-экономических отношениях с соседями на евразийском пространстве. Соответственно, эти особенности в значительной степени влияют на динамику процесса гармонизации законодательства в сферах компетенции ЕАЭС² и устранение имеющихся препятствий для обеспечения реализации «четырех свобод» на внутренних рынках пяти стран.³

В данной работе мы рассмотрим динамику основных макроэкономических показателей, определяющих уровень социально-экономического развития Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и России с начала 1990-х гг., особенности проведения рыночных реформ и изменения институциональной структуры экономики в странах-членах ЕАЭС как на макроуровне, так и по большинству сфер компетенции ЕАЭС: промышленность и агропромышленный комплекс, финансовый сектор, транспорт, инфраструктура, энергетика, сектор информационно-коммуникационных технологий, налоговая политика и внешняя торговля.

Подходы к анализу рыночных реформ в России и других бывших социалистических странах

В отечественной экономической науке можно выделить три основных подхода к анализу процесса рыночных преобразований в переходной экономике постфактум:

- Первый подход – объективно-позитивистский, в рамках которого распад СССР и проведение экономических реформ в России и других постсоветских республиках рассматривается как объективный процесс, как результат проигрыша социалистической системы в соревновании с системой капиталистической, как отклонение траектории развития стран с плановой экономикой от общемировых тенденций и последующий возврат на устойчивую траекторию с помощью реализации в бывших социалистических странах рыночных преобразований. Основной упор при таком анализе в русле неоклассической экономической теории и новой институциональной экономики обычно делается на макроэкономические показатели, такие как темпы прироста и структура ВВП, динамика платежного баланса,⁴ на ана-

¹ «Договор о Евразийском экономическом союзе» (Подписан в г. Астане 29.05.2014), (ред. от 11.04.2017). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/0be36c1fcadd0cdd1f8c0984ef99fbc7d8da61b9/ (дата обращения – 27.10.2018).

² Распоряжение Евразийского межправительственного совета от 25 октября 2017 г. № 17 «О плане мероприятий («дорожной карте») по устранению изъятий и ограничений на внутреннем рынке Евразийского экономического союза на 2018 – 2019 годы»; Соглашение о гармонизации законодательства государств-членов Евразийского экономического союза в сфере финансового рынка (Москва, 6 ноября 2018 года) (документ не вступил в силу).

³ «О ситуации по устранению препятствующих функционированию внутреннего рынка Евразийского экономического союза барьеров для взаимного доступа, а также изъятий и ограничений в отношении движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы». Аналитический доклад Евразийской экономической комиссии. – М.: ЕЭК, 2015 г. – 105 с.; «Белая книга». Барьеры, изъятия и ограничения Евразийского экономического союза. Доклад. – М.: ЕЭК, 2017. – 38 с.

⁴ Гайдар Е. Т. Аномалии экономического роста // Вопросы экономики. 1996. №12. С. 12-39.

лиз процесса либерализации, финансовой стабилизации и приватизации в постсоциалистических государствах,⁵ на вопросы фискальной политики. Основной вклад в исследования переходной экономики и проблематики экономических реформ в России и других постсоветских странах через призму данного подхода внесли Е. Т. Гайдар, Е. Г. Ясин, В. А. Мау,⁶ С.Г. Синельников-Мурылев и другие экономисты.⁷ Возможность существования командно-административной модели экономики как альтернативы капиталистической экономики, основываясь на работах экономистов-классиков начала XX в., показал в своих исследованиях В.В. Радаев, одновременно поддерживая тезис о ее неспособности эффективно решать вопросы социально-экономического прогресса.⁸

- Второй подход – объективно-поссибилистский – не ставя под сомнение необходимость реформирования экономики позднего СССР, предусматривает более критическое осмысление опыта экономических реформ 1990-х гг., в частности, процесса приватизации, указывая на долгосрочное негативное влияние на динамику развития реального сектора экономики России, уровень жизни населения, состояние науки в стране и ряд других социально-экономических аспектов переходного периода. Ведущими иссле-

дователями в рамках данного подхода являются С. Ю. Глазьев⁹ (исследования в рамках эволюционной экономической теории), А. Р. Белоусов¹⁰ (экономический структурализм), Л. М. Григорьев¹¹ (институциональная экономика), А. В. Бузгалин, А. И. Колганов (политическая экономия) и другие исследователи.¹²

- В рамках третьего подхода Г.И. Ханин, разработавший методы альтернативной оценки развития экономики СССР, России и других бывших социалистических стран, пришел к выводу о невозможности по объективным причинам позитивного преобразования сложившейся в СССР системы экономики в капиталистическую систему.¹³

В зарубежной экономической науке в отношении оценки результатов экономических реформ в России превалировало два мнения:

- в целом позитивные оценки рыночных преобразований в стране были даны в работах А. Ослунда,¹⁴ А. Шлейфера и Д. Трейсмана;¹⁵

- более негативные суждения относительно итогов экономических реформ в Российской Федерации были представлены в работах Дж. Стиглица,¹⁶ Дж. Сакса,¹⁷ С. Коэна,¹⁸ П.Б. Реддудэя и Д. В. Глинского,¹⁹ С. Розефильда,²⁰ Д. М. Котца и Ф. Вира.²¹

⁵ Ясин Е. Г. Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ: Курс лекций. – М.: ГУ ВШЭ, 2002. – 437 с.

⁶ Мау В. А. Анти-Стиглиц (Российские экономические реформы в представлении их западных критиков) // Вопросы экономики. №№11-12. 1999; Мау В.А. Кризисы и уроки. Экономика России в эпоху турбулентности. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 488 с.

⁷ Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России. 1991–1997 / под ред. Е. Т. Гайдара. – М.: ИЭПП, 1998. — 1114 с.; Мау В. А., Синельников-Мурылев С. Г., Трофимов Г. Ю. Макроэкономическая стабилизация и тенденции экономической политики России в 1995-1996 годах // Вопросы экономики. 1996. №5. С. 4-28; История экономики СССР и России в конце XX века (1985-1999) / Под общ. ред. А. А. Клишаса (Т. А. Дробышевская, В. А. Мау, С. М. Шахрай, А. А. Яник). – М.: Фонд современной истории; Издательство Московского университета, 2011. – 272 с.

⁸ Радаев В. В. Концептуальные основы анализа переходной экономики // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 1996. - №1. - с.5-21.

⁹ Глазьев С. Ю. Либеральные реформы в России: правда и вымысел // Мир России: Социология, этнология. 2012. Т. 21. № 1. С. 37-53.

¹⁰ Белоусов А. Р. Эволюция системы воспроизводства российской экономики: от кризиса к развитию. – М.: МАКС Пресс, 2006. – 396 с.

¹¹ Григорьев Л. М. Хронология реформ. Экономические реформы конца XX в.: опыт и уроки новейшей истории // Мир России: Социология, этнология. 2012. Т. 21. № 1. С. 11-23.

¹² Обучение рынку / Под ред. С. Ю. Глазьева. – М.: Экономика, 2004. – 639 с.

¹³ Ханин Г. И. Экономическая история России в новейшее время: В 3 т. Новосибирск: Новосиб. гос. техн. ун-т., 2008-2014.

¹⁴ Åslund A. How Russia Became a Market Economy. The Brookings Institution, Washington, D.C., 1995. 378 p.; Åslund A. Russia's Capitalist Revolution: Why Market Reforms Succeeded and Democracy Failed? Peterson Institute for International Economics, Washington, D.C., October 2007. 356 p.

¹⁵ Shleifer A., Treisman D. A Normal Country. NBER Working Paper Series, Working Paper 10057, Cambridge, MA, October 2003. 46 p.; Shleifer A., Treisman D. Without a Map: Political Tactics and Economic Reform in Russia. The MIT Press, 2001. 240 p.

¹⁶ Стиглиц Дж. Куда ведут реформы? (К десятилетию начала переходных процессов) // Вопросы экономики. 1999. №7. – С. 4-40.; Stiglitz J.E. Globalization and Its Discontents. Penguin Books, 2002. 288 p.

¹⁷ Sachs J.D. The End of Poverty: Economic Possibilities for Our Time. The Penguin Press, New York, 2005. 396 p.

¹⁸ Cohen S.F. Failed Crusade. America and the Tragedy of Post-Communist Russia. W.W. Norton & Company, New York, London, 2000. 305 p.

¹⁹ Reddaway P., Glinski D. The Tragedy of Russia's Reforms: Market Bolshevism Against Democracy. United States Institute of Peace Press, Washington, D.C., 2001. 745 p.

²⁰ Rosefielde S. Russia: An Abnormal Country // The European Journal of Comparative Economics. 2005. Vol. 2, N. 1, pp. 3-16.

²¹ Kotz D.M., Weir F. Revolution from Above: the Demise of the Soviet System. Routledge, London and New York, 1997. 302 p.

Вместе с тем, за последние 30 лет с начала реализации либеральных преобразований в социалистических странах ни в отечественной,²² ни в зарубежной науке²³ так и не было создано единой, общепринятой теории переходной экономики.²⁴ Ведущие исследователи и практики переходной экономики в Российской Федерации и других бывших социалистических странах,²⁵ фокусируясь на достижениях и неудачах в процессе проведения реформ и анализе упущенных возможностей, обычно воздерживались от выработки общей теории переходного процесса. Также существовавшая в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в науке и практике дилемма о скорости перехода от плановой к рыночной экономике в формате «градуализм/инкрементализм или радикальные рыночные преобразования»²⁶ по своей сути не смогла заменить четкого видения последовательности перехода от исходного к конечному состоянию и структуре хозяйства, длительности и со-

держания этапов переходного процесса в странах Центрально-Восточной Европы и бывшего СССР.

В итоге из-за отсутствия теории такой переход осуществлялся бывшими социалистическими странами на основе наиболее четко представленных и увязанных друг с другом рекомендаций на тот момент – системы антикризисных мер, сформулированных Дж. Уильямсоном для стран Латинской Америки, названных им «Вашингтонским консенсусом»,²⁷ так как они отражали взгляды ответственных лиц исполнительной и законодательной власти США, руководства международных организаций и экспертного сообщества. В более сжатом виде процесс перехода от плановой к рыночной экономике подразумевал реализацию трех основных реформ, уже указанных выше при рассмотрении объективно-позитивистского подхода в отечественной экономической науке: макроэкономической стабилизации, либерализации и приватизации.²⁸

²² Гайдар Е.Т. Термин – Экономика переходного периода, 1998. – URL: <https://www.iep.ru/ru/publikacii/publication/12.html> (дата обращения – 06.11.2018); Экономика переходного периода: учебное пособие / Под ред. В.В. Радаева, А.В. Бузгалина. – М.: Изд-во МГУ, 1995. – 410 с.; Бузгалин А.В., Колганов А.И. Закономерности и модели переходной экономики // Вестник Московского Университета. Серия 6: Экономика. 1996. №1. – С. 22-32; Курс переходной экономики / Под ред. Л.И. Абалкина. – М.: Финстатинформ, 1997. – 631 с.; Теоретические основы национальной экономики // Курс экономической теории: Общие основы экономической теории, микроэкономика, макроэкономика, переходная экономика: Учебное пособие / Науч. ред. А.В. Сидорович. М.: Дело и сервис, 2001; Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. – М.: Дело, 2005. – 1080 с.; Бродский Б.Е. Лекции по макроэкономике переходного периода: учеб. пособие для вузов. Гос. ун-т Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2005. – 223 с.; Фрейнкман Л.М., Дашкеев В.В., Муфтяхетдинова М.Р. Анализ институциональной динамики в странах с переходной экономикой. / Научные труды. Институт экономики переходного периода; № 126. – М.: ИЭПП, 2009. – 252 с.; Колов Ю.Н. Проблемы теории переходной экономики // Вестник Томского государственного университета. 2014. №283. С. 141-148.

²³ Ofer G. Soviet Economic Growth: 1928-1985. RAND/UCLA Center for the Study of Soviet International Behavior. May 1988. 102 p.; Kornai J. The Socialist System: The Political Economy of Communism. Clarendon Press, Oxford, 1992. 644 p.; Hewett E. Open for Business: Russia's Return to the Global Economy / Ed. A. Hewett with C.G. Gaddy. The Brookings Institution, Washington, D.C., 1992. 164 p.; Kolodko G.W., Gotz-Kozierkiewicz D., Skrzyszewska-Paczek E. Hyperinflation and Stabilization in Postsocialist Economies. Kluwer Academic Publishers, Norwell, MA, 1992. 184 p.; Blanchard O. The Economics of Post-Communist Transition. Oxford University Press, Oxford, 1997. 149 p.; Leitzel J. Russian Economic Reform. Routledge, London and New York, 1995. 193 p.; Gregory P., Stuart R. Russian and Soviet Economic Performance and Structure. Seventh edition. Addison Wesley Longman, Inc., 2001. 502 p.

²⁴ Глазьев С. Ю. Либеральные реформы в России: правда и вымысел // Мир России: Социология, этнология. 2012. Т. 21. № 1. С. 37.

²⁵ From Plan to Market. World Development Report 1996. The World Bank, Oxford University Press, 1996. 241 p.; Åslund A. Building Capitalism. The Transformation of the Former Soviet Bloc. Cambridge University Press, 2002. 508 p.; The Polish Miracle: Lessons from the Emerging Markets / Edited by G.W. Kolodko. Ashgate, Aldershot and Burlington, VT, 2005. 295 p.; Transition and Beyond / Edited by S. Estrin, G.W. Kolodko, M. Uvalic. Palgrave Macmillan, Basingstoke and New York, 2007. 307 p.; The Transformation of Central Asia: States, Societies from Soviet Rule to Independence / Edited by P.J. Luong. Cornell University Press, Ithaca and London, 2004. 332 p.; Ganey V.I. Preying on the State: the Transformation of Bulgaria after 1989. Cornell University Press, Ithaca and London, 2007. 222 p.

²⁶ Dewatripont M., Roland G. The Virtues of Gradualism and Legitimacy in the Transition to a Market Economy // The Economic Journal, March 1992. Volume 102, Issue 411, 291-300 pp.; Aghion P., Blanchard O.J. On the Speed of Transition in Central Europe, NBER Working Paper No. 4736, May 1994; Roland G. On the Speed and Sequencing of Privatization and Restructuring // The Economic Journal, September 1994. Volume 104, Issue 426, 1158-1168 pp.; Murrell P. Evolutionary and Radical Approaches to Economic Reform // Economics of Planning, January 1992. Volume 25, Issue 1, pp. 79-95.

²⁷ «Вашингтонский консенсус» включает в себя 10 рекомендаций: (1) фискальная дисциплина (минимальный дефицит бюджета); (2) определение приоритетов среди государственных расходов (здравоохранение, образование и инфраструктура); (3) поддержание широкой налоговой базы и умеренных предельных ставок налогов; (4) либерализация финансовых рынков для поддержания реальной ставки по кредитам на невысоком положительном уровне; (5) свободный обменный курс национальной валюты; (6) либерализация внешней торговли через, прежде всего, снижение ставок импортных пошлин; (7) привлечение прямых иностранных инвестиций; (8) проведение приватизации; (9) дерегулирование экономики; (10) обеспечение защиты прав собственности (Williamson J. What Washington Means by Policy Reform. // Latin American Readjustment: How Much has Happened. / Edited by J. Williamson, Washington: Peterson Institute for International Economics, 1989).

²⁸ Blanchard O., Dornbusch R., Krugman P., Layard R., Summers L. Reform in Eastern Europe. The United Nations University, 1991. 98 p.; Åslund A. How Capitalism Was Built: the Transformation of Central and Eastern Europe, Russia, the Caucasus, and Central Asia. Second edition. Cambridge University Press, 2013. 423 p.

Однако в связи с неоднозначными результатами применения рекомендованных в рамках «Вашингтонского консенсуса» мер в бывших социалистических странах, к концу 1990-х – началу 2000-х гг. в научном сообществе созрела идея о необходимости формулирования скорректированных приоритетов. Такие предложения получили название «пост-Вашингтонского консенсуса»,²⁹ в рамках которого признавалась ключевая роль институтов при осуществлении рыночных преобразований, качества государственного управления, необходимость долгосрочного планирования и более полный учет социально-экономических аспектов переходного процесса.³⁰ В российской науке подходы к созданию теории социально-экономических трансформаций предпринимались отечественными экономистами А. В. Бузгалиным и А. И. Колгановым.³¹

Однако единственным практическим подходом к измерению степени перехода от плановой

к рыночной экономике можно признать систему индикаторов Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР), разработанную в 1994 г. для оценки реализации мандата ЕБРР по содействию «переходу к открытой экономике, ориентированной на рынок, а также развитию частной и предпринимательской инициативы в странах Центральной и Восточной Европы, приверженных принципам многопартийной демократии, плюрализма и рыночной экономики и приводящих их в жизнь».³² Экономисты ЕБРР классифицировали по шкале от 1 до 4 (наилучший показатель) с промежуточными значениями (плюс/минус) прогресс в проведении следующих реформ в странах с переходной экономикой:³³ крупномасштабную приватизацию государственных предприятий;³⁴ приватизацию на локальном уровне;³⁵ реструктуризацию предприятий;³⁶ либерализацию цен и развитие конкуренции;³⁷ либера-

²⁹ Kolodko G.W. *From Shock to Therapy: the Political Economy of Postsocialist Transformation*. Oxford University Press, 2000. 457 p.; Stiglitz J.E. *The Post Washington Consensus Consensus*. The Initiative for Policy Dialogue, 2004. 15 p.; *The Washington Consensus Reconsidered: Towards a New Global Governance* / Edited by N. Serra, J.E. Stiglitz. The Initiative for Policy Dialogue Series. Oxford University Press, Oxford and New York, 2008. 382 p.

³⁰ Международный валютный фонд, в свою очередь, в конце 1990-х гг. предлагал более расширенную палитру «ингредиентов» переходного процесса, в т.ч.: (1) либерализацию цен и внешней торговли, (2) макроэкономическую стабилизацию, под которой, в первую очередь, понимается стабилизация цен, достижение сбалансированности бюджета и устойчивости платежного баланса через фискальную дисциплину и монетарную политику; (3) реструктуризацию и приватизацию в реальном секторе экономики, создание жизнеспособного финансового сектора; (4) проведение реформ законодательства и институтов путем определения новой (менее значимой) роли государства в экономике, установление верховенства права и проведение конкурентной политики (*Transition Economies: An IMF Perspective on Progress and Prospects*. The International Monetary Fund, 00/08, 3 November 2000. – URL: <https://www.imf.org/external/np/exr/ib/2000/110300.htm> (дата обращения – 07.11.2018)).

³¹ Бузгалин А. В., Колганов А. И. *Теория социально-экономических трансформаций. Прошлое, настоящее и будущее экономик «реал. социализма» в глобал. постиндустр. мире: Учеб. для студентов экон. специальностей*. – М: ТЕИС, 2003. – 680 с.; *Трансформационная экономика России: Учеб. пособие*. / А. В. Бузгалин, В. В. Герасименко, З. А. Грандберг и др.; Под ред. А. В. Бузгалина. – М.: Финансы и статистика, 2014. – 616 с.

³² Основные документы Европейского банка реконструкции и развития. ЕБРР, Лондон, апрель 1991, изм. сентябрь 2013. – 88 с.

³³ *Transition Report 1994*. The European Bank for Reconstruction and development, London, October 1994. 192 p.

³⁴ Оценка крупномасштабной приватизации государственных предприятий: 1 балл – сделано немного; 2 балла – продвинутая всеобъемлющая схема приватизации почти готова к реализации, продажа некоторых активов завершена; 3 балла – более 25% активов крупных государственных предприятий приватизированы или находятся в процессе продажи, вопросы корпоративного управления не решены; 4 балла – более 50% активов крупных государственных предприятий приватизировано по схеме, которая обеспечивает корпоративное управление (*Transition Report 1994*. The European Bank for Reconstruction and development, London, October 1994, p. 11).

³⁵ Оценка приватизации на локальном уровне: 1 балл – сделано немного; 2 балла – значительные пакеты акций приватизированы; 3 балла – реализована почти всеобъемлющая программа, однако ее содержание или недостаток централизованного надзора оставили нерешенными важные вопросы; 4 балла – реализована всеобъемлющая и хорошо спланированная программа (*Transition Report 1994*. The European Bank for Reconstruction and development, London, October 1994, p. 11).

³⁶ Оценка реструктуризации предприятий: 1 балл – слабая политика кредитования и субсидирования, ослабляющая финансовую дисциплину на уровне предприятий, мало реформ реализовано для улучшения корпоративного управления; 2 балла – умеренно жесткая политика кредитования и субсидирования, слабое правоприменение законодательства о банкротстве, мало действий по разукрупнению больших конгломератов предприятий; 3 балла – созданы структуры для развития корпоративного управления (например, через приватизацию в сочетании с жесткой политикой кредитования и субсидирования и/или правоприменением законодательства о банкротстве), или твердые действия предприняты для разукрупнения больших конгломератов предприятий; 4 балла – реализована программа реструктуризации, которая в значительной степени способствует улучшению корпоративного управления, поддерживается жесткая финансовая дисциплина на уровне предприятий, разукрупнены крупные конгломераты предприятий (*Transition Report 1994*. The European Bank for Reconstruction and development, London, October 1994, p. 11).

³⁷ Оценка либерализации цен и развития конкуренции: 1 балл – большая часть цен формально контролируется государством; 2 балла – контроль за ценами сохраняется для нескольких важных категорий продуктов; 3 балла – проведена всеобъемлющая либерализация цен, и имеется ценовая конкуренция; 4 балла – проведена всеобъемлющая либерализация цен, и имеется ценовая конкуренция, действует антимонопольное законодательство (*Transition Report 1994*. The European Bank for Reconstruction and development, London, October 1994, p. 11).

лизацию торговли и валютного рынка;³⁸ реформу банковского системы.³⁹

По этой методике индикаторы прогресса по пути перехода от плановой к рыночной экономике рассчитывались с 1994 г. ежегодно для всех стран операций ЕБРР до 2014 г. Более того, в период 2010-2016 гг. рассчитывались дополнительные показатели по группам отраслей – по корпоративному сектору, энергетике, инфраструктуре, финансовому сектору.⁴⁰ Однако в 2016 г. методика была изменена на более общую, где переходный процесс к «хорошо-функционирующей рыночной экономике» стал пониматься не просто как переход к определенному состоянию рынков, а переход к «конкурентной, инклюзивной, хорошо управляемой государством, «зеленой», устойчивой и интегрированной экономике».⁴¹ Если определенным недостатком исходной методики было использование ряда качественных показателей и суждений при измерении параметров переходного процесса, то новая методика, имея в своей основе количественные показатели, тем не менее, допускает весьма широкую трактовку определения «переходный процесс», что, безусловно, снижает ее научную ценность.

Для нашего анализа государств-членов ЕАЭС мы будем использовать временные ряды макроэкономических данных Всемирного банка за 1990-2017 гг., результаты оценки процесса рыночных реформ по методологии ЕБРР за 1991-2014 г. (для шести общих индикаторов) и за 2010-2016 гг. (для отраслевых индикаторов), а также ряд показателей, отражающих эволюцию институтов, из рейтинга

Всемирного банка «Ведение бизнеса» и «Индекса глобальной конкурентоспособности» Всемирного экономического форума (ВЭФ). Для приведения оценок ЕБРР из формата «количество баллов плюс/минус» в числовые значения, мы вычитали 0,3 из количества баллов при наличии минуса и добавляли 0,3 к баллам при наличии плюса. Таким образом, «2 минус» («2-») мы конвертировали в 1,7, «два плюс» («2+») – в 2,3 и т.д. Для вычисления значения по шести общим индикаторам и группам отраслей по каждой стране ЕАЭС рассчитывались средние арифметические значения числовых показателей за конкретный год.⁴²

Динамика основных макроэкономических показателей государств-членов ЕАЭС и проведение реформ на макроуровне

Распад СССР и переход стран, входящих ныне в ЕАЭС, от плановой к рыночной экономике в 1991 г. стал причиной глубокого экономического кризиса в 1990-е гг. Так, в самой низкой точке падения ВВП Армении в 1993 г. составлял всего 47% от уровня ВВП Республики в 1990 г.; ВВП Белоруссии в 1995 г. – 65%, Казахстана – 61%, Киргизии – 51%, а ВВП России в 1996 г. – 60% от ВВП страны 1990 г. (см. рис. 1). Последовавшее за этим десятилетие стало временем быстрого восстановительного роста, однако уровень 1990 г. был достигнут Белоруссией только к 2003 г., Арменией и Казахстаном – в 2004 г., Россией – в 2007 г., а Киргизия – в 2009 г.

К 2017 г. наиболее высокий рост ВВП по сравнению с 1990 г. зафиксирован в Казахстане (203%), затем идут Армения (194%), Белоруссия

³⁸ Оценка либерализации торговли и валютного рынка: 1 балл – широко распространенный контроль за импортом или очень ограниченный законный доступ к иностранной валюте; 2 балла – немного импортных квот, почти полная конвертируемость валюты в принципе, однако режим валютного курса не прозрачен (возможно имеется несколько обменных курсов); 3 балла – немного импортных квот, почти полная конвертируемость валюты по единому обменному курсу; 4 балла – немного импортных или экспортных квот, незначительное прямое вовлечение в экспортно-импортные операции министерств или прежних государственных внешнеторговых монополий, почти полная конвертация счета текущих операций по единому обменному курсу, отсутствуют основные неоднородности в системе таможенных пошлин (Transition Report 1994. The European Bank for Reconstruction and development, London, October 1994, p. 11).

³⁹ Оценка реформы банковской системы: 1 балл – небольшой прогресс после создания двухуровневой системы (центральный банк – коммерческие банки); 2 балла – ставки по кредитам в значительной степени влияют на распределение кредитных ресурсов; 3 балла – значительный прогресс в деле рекапитализации банков, банковского аудита и создания функционирующей системы банковского надзора, значительное присутствие частных банков, полная либерализация банковских ставок с небольшим преференциальным доступом к дешевому рефинансированию; 4 балла – хорошо функционирующий надзор в сфере банковской конкуренции и пруденциальный надзор (Transition Report 1994. The European Bank for Reconstruction and development, London, October 1994, p. 11).

⁴⁰ Корпоративный сектор включал агропромышленный комплекс, общую промышленность, сферу недвижимости и с 2013 г. – сектор информационно-коммуникационных технологий; в «энергетику» входил сектор добычи полезных ископаемых, устойчивая энергетика (до 2015 г.) и электроэнергетика; «инфраструктура» включала в себя сектор водоснабжения и водоотведения, городской транспорт, автодороги и железные дороги, а также сектор информационно-коммуникационных технологий (до 2012 г.); финансовый сектор подразделялся на банковское дело, страхование и другие финансовые услуги, финансирование микро-, малых и средних предприятий, фонды прямых инвестиций и рынок капитала.

⁴¹ Lankes H.-P., Guriev S. The EBRD and transition. The EBRD. – URL: <https://www.ebrd.com/our-values/transition.html> (дата обращения 08.11.2018).

⁴² Ранее в работах М. Де Мело, Дж. Денизера, А. Гельба и А. Ослунда рассчитывался и использовался индекс с использованием индикаторов ЕБРР с различными произвольными весами (см. De Melo M., Denizer C., Gelb A. From Plan to Market: Patterns of Transition. Policy Research Working Paper 1564, The World Bank Policy Research Department, Transition Economics Division, January 1996, 63 p.; Åslund A. Building Capitalism. The Transformation of the Former Soviet Bloc. Cambridge University Press, 2002. 508 p.).

(192%) и Киргизия с гораздо более скромным показателем в 138%. Российская Федерация по объему ВВП к 1990 г. находится в настоящее время

на уровне 119%, причем этот показатель практически не меняется с 2012 г. (средний прирост ВВП за этот период составил 0,8% в год).

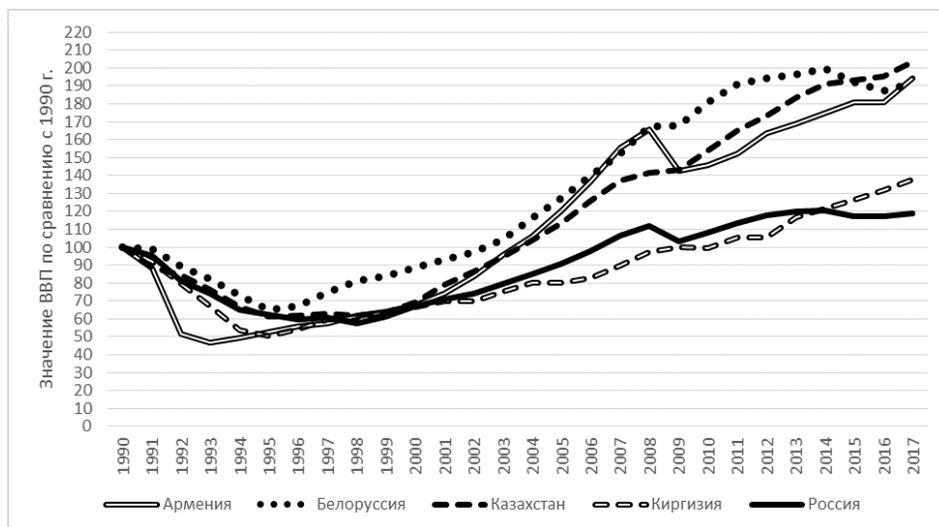

Рис. 1. Динамика ВВП государств-членов ЕАЭС, 1990-2017 гг. (1990=100)

Источник: рассчитано автором по данным: World Development Indicators, 2018. – URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators#> (дата обращения – 05.11.2018).

Вместе с тем, если посмотреть на показатели пяти стран по ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (ППС), то ситуация окажется несколько иной. Казахстан при расчетах по ППС в текущих международных долл. США по-прежнему останется на первом месте с показателем в 26,4 тыс. долл./чел., а второе ме-

сто будет занимать Россия с 25,5 тыс. долл./чел. (рис. 2). Белоруссия занимала к 2017 г. третье место среди стран-членов ЕАЭС с 18,8 тыс. долл./чел. Армения и Киргизия же значительно проигрывают по этому показателю, имея к 2017 г. подушевой ВВП на уровне только 9,6 тыс. долл./чел. и 3,7 тыс. долл. чел.

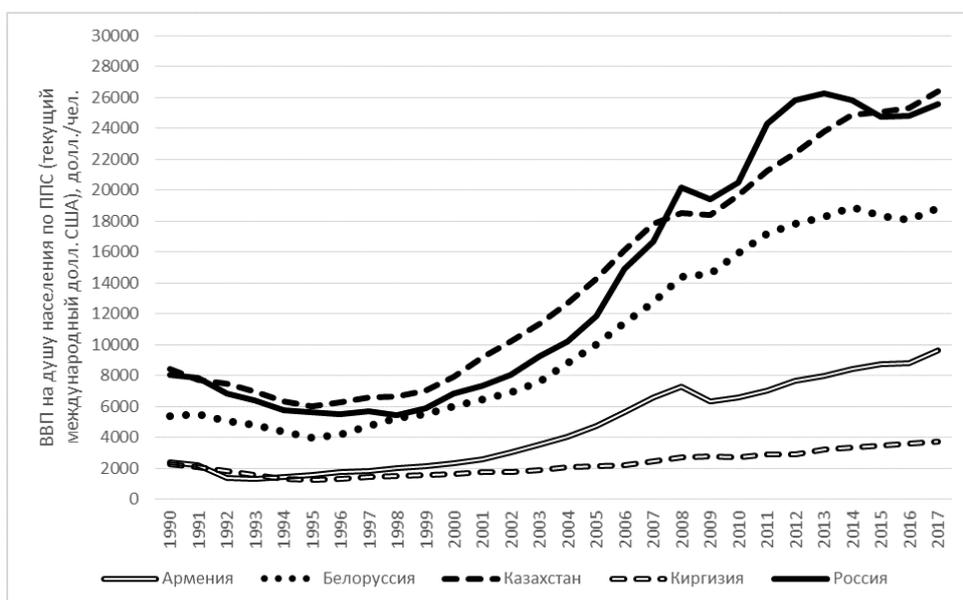

Рис. 2. Динамика ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (текущий международный долл. США) государств-членов ЕАЭС, долл./чел., 1990-2017 гг.

Источник: World Development Indicators, 2018. – URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators#> (дата обращения – 05.11.2018).

Для сравнения текущего уровня ВВП на душу населения с 1990 г. лучше использовать расчеты в постоянных международных долл. США (Всемирный банк предоставляет данные в ценах 2011 г. – см. рис. 3). Здесь среди пяти государств наблюдаются устойчиво более высокие показатели у Российской Федерации, однако прирост за наблюдаемый период составил только 20%. Также видно снижение в последние годы подушевого ВВП в Российской Федерации с максимума в 2013 г. (25,6 тыс. долл./чел.) до уровня примерно 2011 г. к настоящему времени (24,8 тыс. долл./чел.). В целом рост благосостояния в России в 2000-2010 гг. обеспечивался до недавнего времени путем опережающего роста зарплат по сравнению с инфляцией и, в целом, за счет перераспределения составляющих ВВП – увеличения потребления и, соответственно, снижения валового накопления (рис. 4).

Казахстан и Белоруссия занимают второе и третье место, имея за 27 лет прирост показателя в 1,8 и 2,1 раза, соответственно, до уровня 24,1 тыс. долл./чел. и 17,2 тыс. долл./чел. Таким образом, изначально Беларусь, Казахстан и Россия в составе Таможенного союза и Единого экономического пространства представляли собой сравнительно более однородный в части доходов на душу населения рынок.

Формально, ВВП на душу населения в Армении увеличился за указанный период в 2,3 раза (больше, чем во всех остальных государствах), однако в реальности это не было связано со значительным повышением уровня жизни населения из-за особенностей системы ценообразования в бывшем СССР, так как в рамках централизованного планирования осуществлялось планомерное перераспределение ресурсов от производителей сырья к производителям конечной продукции за счет занижения цен на первые товары, и завышения цен – на последние.⁴³ Таким образом, изначально низкий показатель ВВП на душу населения у Армении отражает скорее уровень производства в Республике, в то время как уровень потребления в Армянской ССР был выше. Наконец, Киргизия является единственной страной в ЕАЭС, где подушевой показатель ВВП по ППС в ценах 2011 г. даже немного снизился по сравнению с 1990 г.

Невысокие темпы прироста ВВП на душу населения в Киргизии объясняются высокими темпами прироста населения, которое увеличилось за рассматриваемый период на 41% (с 4,4 млн чел. до 6,2 млн чел.). Еще одной страной с растущей численностью населения на сегодня в ЕАЭС является Казахстан, где в 2017 г. проживало на 10% больше населения (18,0 млн чел.), чем в 1990 г. (16,3 млн чел.), и это с учетом заметной эмиграции из страны немцев и русских в 1990-е гг. Численность населения России после присоединения Республики Крым и города федерального значения Севастополь лишь немногим уступает количеству жителей в 1990 г. (146,9 млн чел. против 148,3 млн чел.), но после небольшого естественного прироста населения 2012-2016 гг. смертность опять стала превышать рождаемость, и в обозримом будущем увеличение населения можно ожидать только за счет миграционных притоков. Наконец, численность населения Белоруссии сократилась на 681 тыс. чел (на 7%) – с 10,2 млн чел. до 9,5 млн чел., а Армении – на 17% – с 3,5 млн чел. до 2,9 млн чел.

Таким образом, получается, что потенциал экономического роста за счет расширения внутреннего спроса в рамках ЕАЭС весьма ограничен. Самая крупная экономика Союза – Россия, может рассчитывать лишь на расширение экспортного спроса или увеличение ВВП за счет активизации инвестиций в основной капитал. Казахстан, как вторая крупнейшая экономика, обладает потенциалом расширения внутреннего спроса в долгосрочной перспективе, однако экономический рост сдерживается объективно менее развитой обрабатывающей промышленностью и малой плотностью населения, в связи с чем руководство страны сделало ставку на развитие инфраструктуры и использование транзитного потенциала, особенно с учетом реализации Китаем своего проекта «Один пояс и один путь». Быстрое увеличение численности населения в Киргизии привело к ситуации, когда предложение рабочих мест, не поспевало за спросом в результате коллапса местной промышленности, уровень которой к настоящему времени составляет только 69% от 1990 г. (рис. 13).⁴⁴ Поэтому оптимальным решением проблемы безработицы стала трудовая миграция жителей Киргизии в Россию, где существовал дефицит рабочей силы. Белоруссия и

⁴³ Трейвиш А.И. Промышленность России за 100 лет // Россия в окружающем мире: 2002 (Аналитический ежегодник). – М.: Изд-во МНЭПУ, 2002. – С. 11-38.

⁴⁴ И это с учетом ввода в эксплуатацию в 1997 г. золоторудного месторождения «Кумтор», обеспечивающего почти 10% ВВП страны (ВВП впервые за два года ушел в минус. Экономика остается зависимой от Кумтора. // Информационно-аналитический портал Саясат.kg, 14.08.2018. – URL: <http://www.sayasat.kg/economics/64249-gdp-for-the-first-time-in-two-years-gone-economy-remains-dependent-on-kumtor.html> (дата обращения - 11.11.2018)).

Армения также должны ориентироваться, в первую очередь, на экспортный спрос и/или стимулирование/привлечение инвестиций в основной капитал.

Либерализация внешней торговли наиболее активно осуществлялась в Киргизии и Армении (см. рис. 5), которые вступили во Всемирную торговую организацию, соответственно, в 1998 г. (Киргизия сделала это раньше всех других постсоветских республик) и в 2003 г. В то же время

Казахстан и Российская Федерация, сначала открыв свои рынки в 1990-е гг., позднее стали реализовывать более осторожную политику. В итоге присоединение России к ВТО состоялось в 2012 г., а Казахстана – в 2015 г. Власти Белоруссии пока не осуществляли значительной либерализации внешней торговли и с учетом членства всех остальных партнеров по ЕАЭС только прорабатывают вопрос о возможных условиях присоединения страны к ВТО.

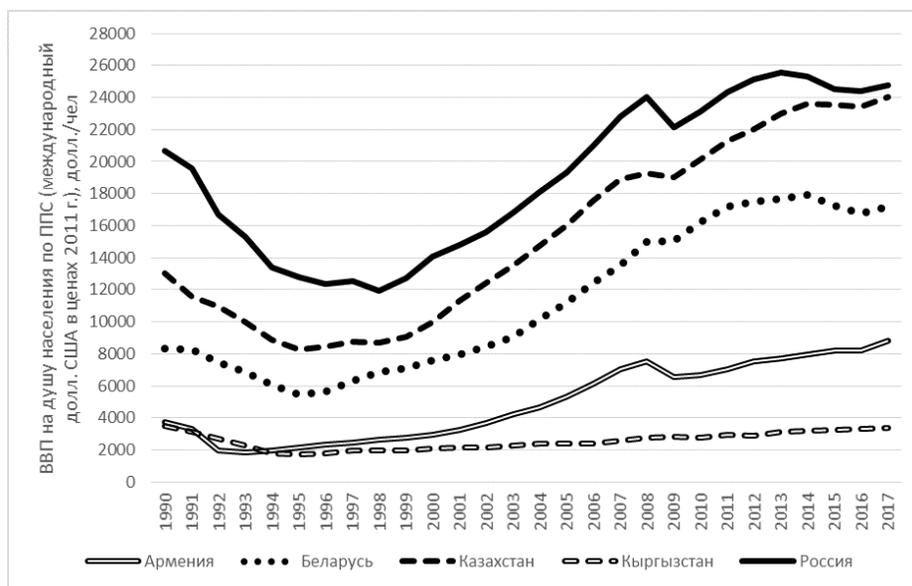

Рис. 3. Динамика ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (международный долл. США в ценах 2011 г.) государств-членов ЕАЭС, долл./чел., 1990-2017 гг.

Источник: World Development Indicators, 2018. – URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators#> (дата обращения – 05.11.2018).

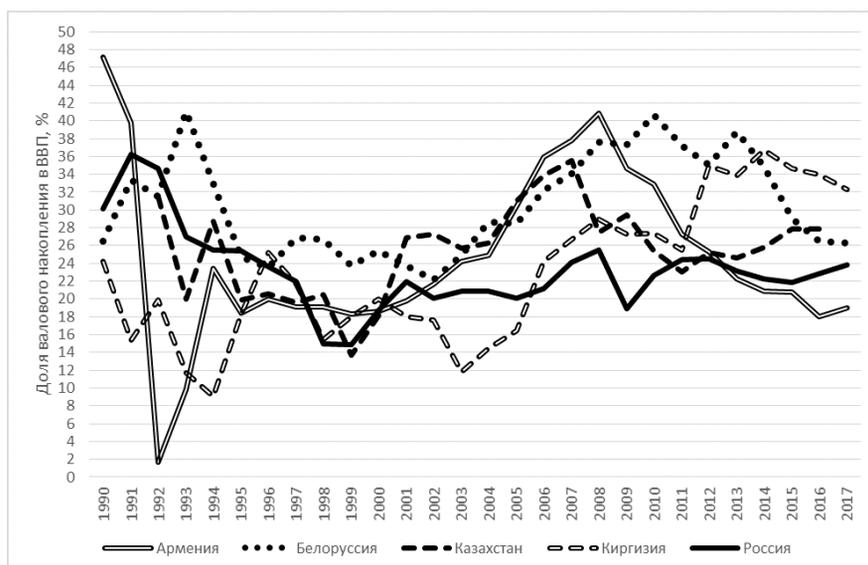

Рис. 4. Динамика валового накопления как доли ВВП государств-членов ЕАЭС, %, 1990-2017 гг.

Источник: World Development Indicators, 2018. – URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators#> (дата обращения – 05.11.2018).

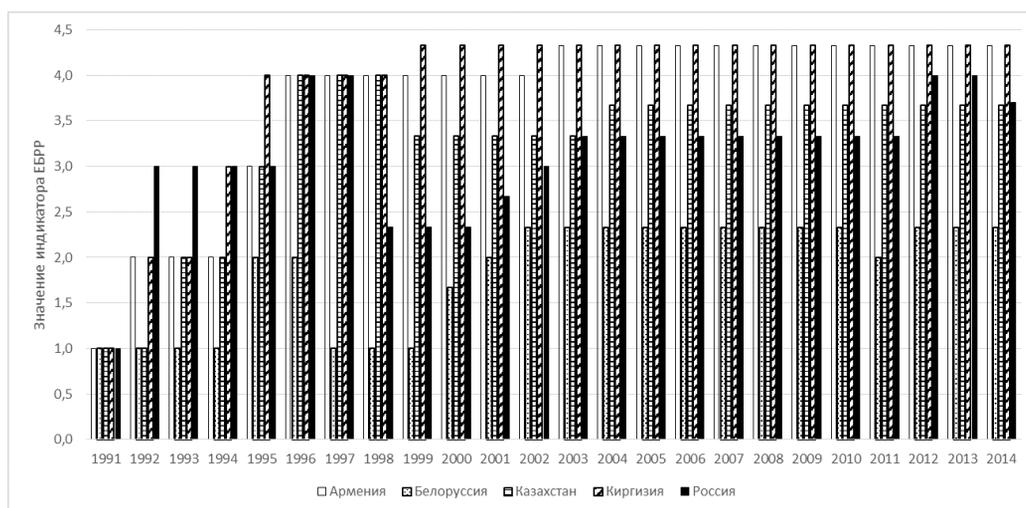

Рис. 5. Индикатор ЕБРР по переходу к рынку – либерализация внешней торговли и валютного рынка

Источник: EBRD, Transition Indicators by Country. – URL: <https://www.ebrd.com/cs/Satellite?c=Content&cid=1395245467784&d=&pagename=EBRD%2FContent%2FDownloadDocument> (дата обращения – 08.11.2018).

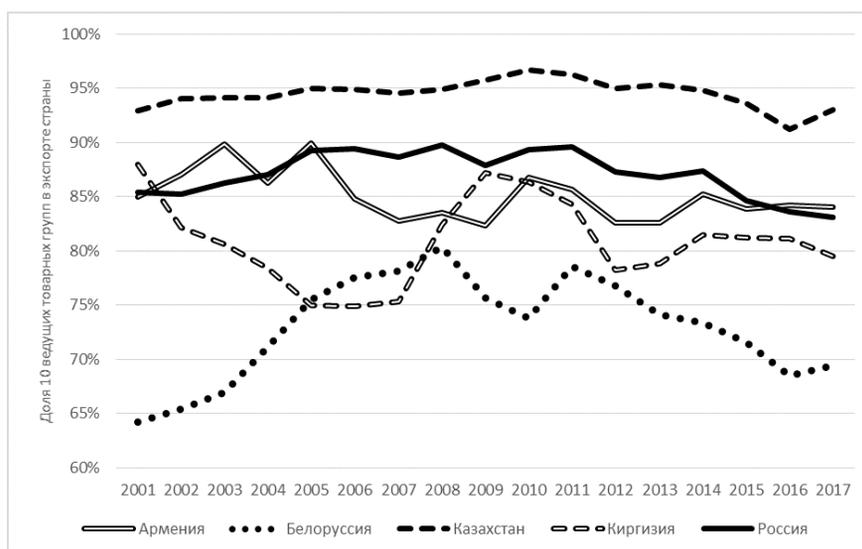

Рис. 6. Динамика индекса концентрации экспорта государств-членов ЕАЭС, 2001-2017 гг.

Источник: Рассчитано автором на основе данных: International Trade Centre. – URL: <http://www.intracen.org/itc/market-info-tools/statistics-export-country-product/> (дата обращения – 08.11.2018).

Вместе с тем, судя по индексу концентрации экспорта (доля 10 крупнейших товарных групп по Гармонизированной системе описания и кодирования товаров в общем экспорте страны), за последние 15 лет ни одной стране-члену ЕАЭС так и не удалось диверсифицировать свой экспорт (см. рис. 6). Наибольшей концентрацией экспорта отличается Казахстан (среднее значение индекса в 2001-2017 гг. – 94%), Россия (87%) и Армения (85%). В Киргизии среднее значение данного показателя составило 81%, а в Белоруссии – 73%. При этом ведущей товарной группой в экспорте Белоруссии (в среднем – 30%), как и у Казахстана и России, является минеральное топливо и про-

дукты переработки (фактически – нефтепродукты, полученные из российской импортируемой нефти, и в меньшей степени собственная добытая нефть) (рис. 7). Доля данной товарной группы в экспорте Казахстана доходила за рассматриваемый период до 76%, составляя в среднем 67%, а в экспорте России – до 70% (среднее значение – 61%). Доля ведущего экспортного товара Армении – медной руды и медного концентрата – за 2001-2017 гг. повысилась с 5% до 28%, а доля золота и концентратов драгоценных металлов – основного товара, поставляемого за рубеж Киргизией, составляла в экспорте страны в среднем 40%.

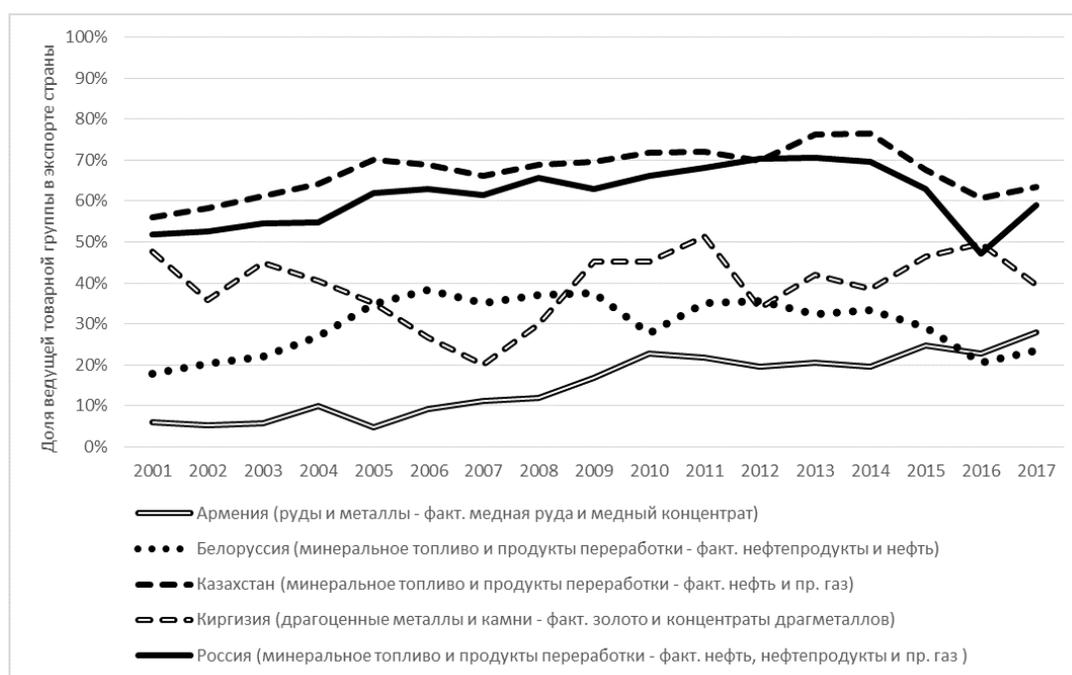

Рис. 7. Динамика доли ведущей товарной группы в экспорте стран-членов ЕАЭС, 2001-2017 гг.

Источник: Рассчитано автором на основе данных: International Trade Centre. – URL: <http://www.intracen.org/itc/market-info-tools/statistics-export-country-product/> (дата обращения – 08.11.2018).

Таблица 1

Сравнение размера сальдо торгового баланса стран-членов ЕАЭС, млрд долл.

Страна	Сальдо торгового баланса в 1992 г.	Сальдо торгового баланса в 2017 г.	Сальдо торгового баланса в 2017 минус сальдо в 1992 г.	Максимальное положительное/ максимальное сальдо за период 1992-2017 гг. (год)	Максимальное отрицательное/ минимальное сальдо за период 1992-2017 гг. (год)
Армения	-0,3	-1,4	-1,2	-0,2 (1993)	-3,0 (2008)
Белоруссия	0,4	-0,2	-0,6	2,9 (2012)	-7,5 (2010)
Казахстан	-0,3	0,0	0,3	38,2 (2011)	-2,1 (1993-1994)
Киргизия	-0,3	-2,4	-2,1	0,0 (2001)	-3,8 (2014)
Россия	64,8	84,4	19,7	165,2 (2011)	8,9 (1997)

Источник: рассчитано автором по данным: World Development Indicators, 2018. – URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators#> (дата обращения – 05.11.2018).

При этом, у Армении, Беларуси и Киргизии в течение почти всего анализируемого периода (1990-2017 гг.) наблюдалось хронически отрицательное сальдо торгового баланса (табл. 1), что приводило к хронически отрицательному сальдо по счету текущих операций (рис. 8), а приток иностранных инвестиций обычно не мог покрыть эту разницу. Единственной страной в ЕАЭС, у которой в течение всего рассматриваемого периода времени имелось положительное сальдо торгового баланса и почти всегда положительное сальдо счета текущих операций является Россия. Казахстан смог добиться устойчиво положительного торгового баланса только в период с 2004

по 2016 гг., когда цены на нефть в течение длительного периода времени находились на уровне выше 50 долл. за баррель.

В результате абсолютно логично, что у всех стран-членов ЕАЭС за исключением России наблюдается постоянно напряженная ситуация с отношением объема золотовалютных резервов к общему внешнему долгу (сумме государственного и частного долга). Если у Российской Федерации данный показатель варьировал в период 2007-2016 гг. в районе 92%, то у всех остальных государств – от 20% (Белоруссия, Казахстан) до 30% (Армения) и 33% (Киргизия) (рис. 9).

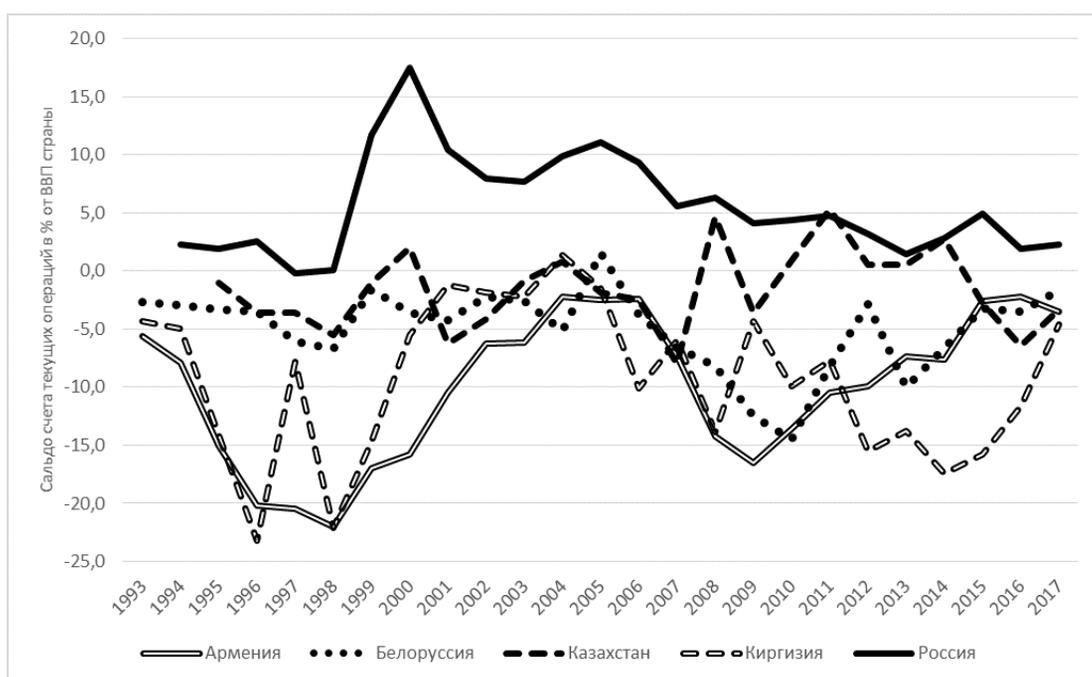

Рис. 8. Динамика сальдо счета текущих операций государств-членов ЕАЭС, % от ВВП стран, 1990-2017 гг.

Источник: World Development Indicators, 2018. – URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators#> (дата обращения – 05.11.2018).

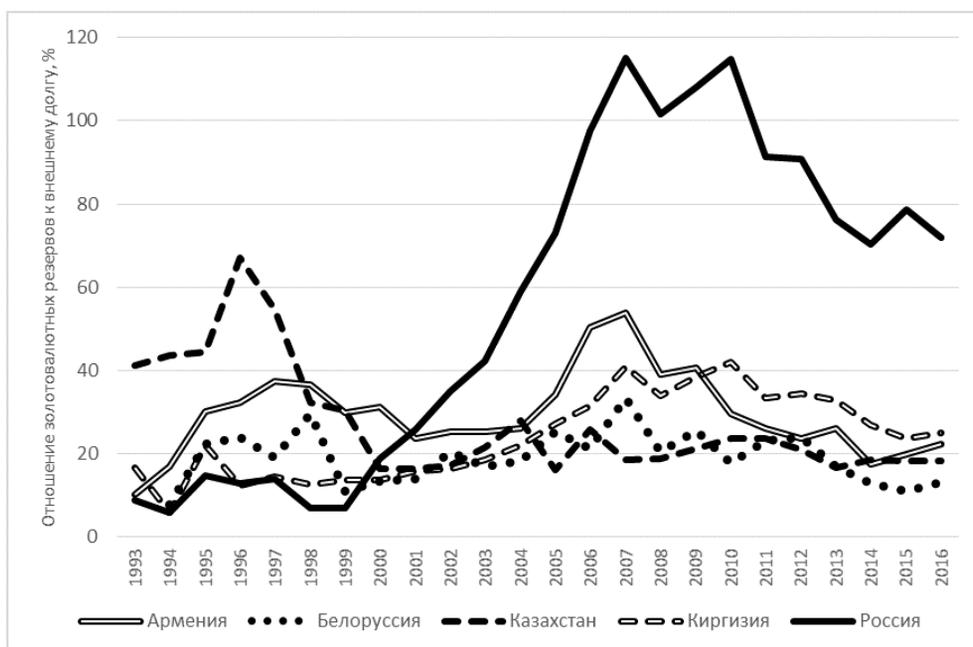

Рис. 9. Динамика отношения золотовалютных резервов стран-членов ЕАЭС к их внешнему долгу (сумме государственного и частного долга), %, 1990-2017 гг.

Источник: World Development Indicators, 2018. – URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators#> (дата обращения – 05.11.2018).

По скорости проведения либерализации цен и развитию конкуренции выделяются Армения, Россия и Киргизия, причем все три страны провели основные мероприятия в начале 1990-х гг. Исходя из методики рас-

чета ЕБРР индикаторов по переходу к рынку (см. рис. 10), Киргизия осталась из стран-членов ЕАЭС единственной страной, где не было разворота реформ в обратную сторону. В период с 1996 по 2010 гг. такой же высокий рей-

тинг по либерализации цен был у Армении. Руководство Казахстана и России допускало мероприятия по частичному развороту реформ, в частности в России это было связано с кризи-

сом 1998 г. К настоящему времени Белоруссия осталась единственной страной в ЕАЭС, где сохраняется в определенной степени государственное регулирование цен.

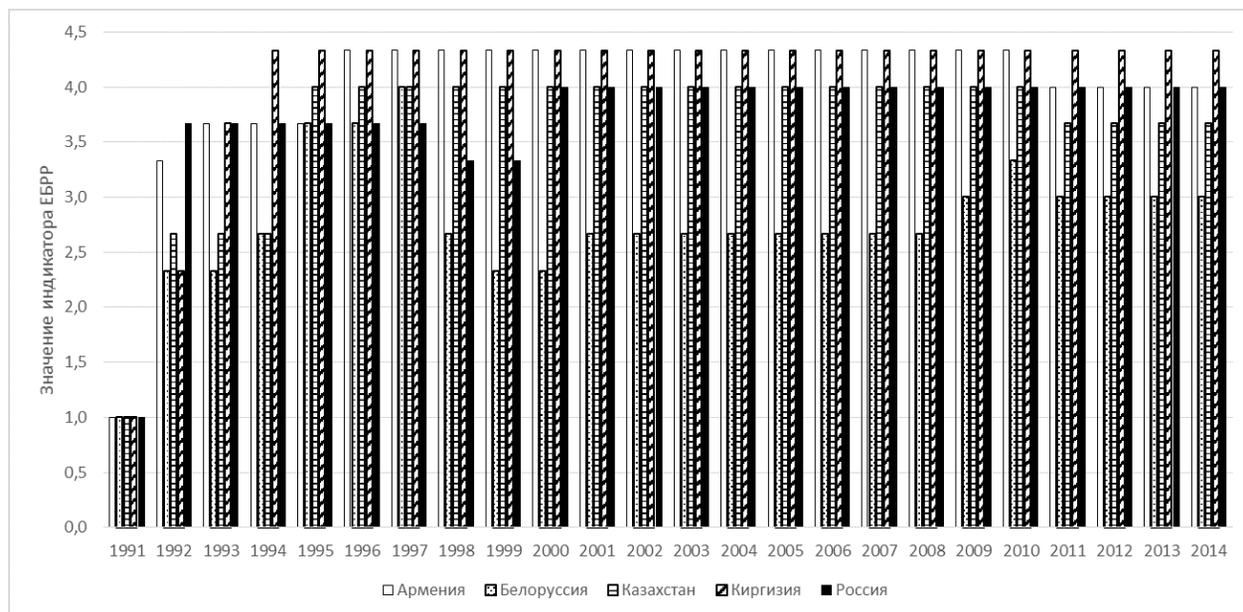

Рис. 10. Индикатор ЕБРР по переходу к рынку – либерализация цен и конкуренция

Источник: EBRD, Transition Indicators by Country. – URL: <https://www.ebrd.com/cs/Satellite?c=Content&cid=1395245467784&d=&pagename=EBRD%2FContent%2FDownloadDocument> (дата обращения – 08.11.2018).

Следует также отметить, что после периода гиперинфляции в начале 1990-х гг. ни одной стране-члену ЕАЭС так и не удалось достичь стабильного уровня цен с низкими показателями инфляции (как, например, в рамках еврозоны – не выше 2% в год). Серьезное влияние на уровень цен оказывали экономические кризисы 1998 и 2008 гг. (см. рис. 11), а также кризис платежного баланса в Белоруссии 2011 г., сопровождавшиеся в т.ч. девальвацией национальной валюты. За последние 10 лет наиболее низкий среднегодовой уровень инфляции был достигнут в Армении (в среднем 4,3%); в Казахстане, Киргизии и России индекс потребительских цен (ИПЦ) находился примерно на уровне 8-9% (соответственно, 8,7%, 8,3% и 8,7%), а в Белоруссии – уровень инфляция в среднем за год составил 21,6%.

Переход Центральными банками Армении и России в последние годы к режиму таргетирования инфляции помог снизить ИПЦ в этих странах в 2017 г. до рекордно низких показателей в 1% и 3,7%, соответственно. Однако предшествующее этому ужесточение денежно-кредитной полити-

ки привело к значительному ухудшению условий кредитования реального сектора экономики и снижению конкурентоспособности его продукции на внешних рынках. Для формирования единого внутреннего рынка в рамках ЕАЭС необходимо добиться более скоординированной денежно-кредитной политики центральных банков стран-участниц Союза в целом, и курсовой политики, в частности. В противном случае действия центробанков одних стран по смягчению макроэкономических шоков будут неизбежно негативно влиять на другие страны, сокращая взаимную торговлю и возможности по использованию населением и субъектами предпринимательства местных валют.

Анализ эволюции реформ в государствах-членах ЕАЭС в целом как среднее шести индикаторов ЕБРР⁴⁵ дает следующие результаты (рис. 12). Россия изначально в 1991-1993 гг. являлась страной, где экономические реформы проводились наиболее быстрыми темпами. Далее с 1994 г. по 2001 г. на первое место по степени либерализации экономики вышла Киргизия. После

⁴⁵ Среднее шести индикаторов ЕБРР – (1) крупномасштабной приватизации государственных предприятий; (2) приватизации на локальном уровне; (3) реструктуризации предприятий; (4) либерализации цен и развития конкуренции; (5) либерализации торговли и валютного рынка; (6) реформы банковской системы.

этого с 2002 г. по настоящее время первое место по глубине реализации рыночных реформ согласно оценке ЕБРР занимает Армения, а Киргизия ненамного отстает, находясь на втором месте. Российская Федерация с 2000 г. занимает среди сегодняшних государств-членов ЕАЭС устойчиво третье место по степени общей либе-

рализации экономики, в то время как Казахстан, находившийся в течение 1997-2000 гг. на втором месте, начиная с 2001 г. переместился на четвертое место. Белоруссия в течение всего рассматриваемого периода находилась на пятом месте среди стран-членов Союза по степени реализации рыночных реформ.

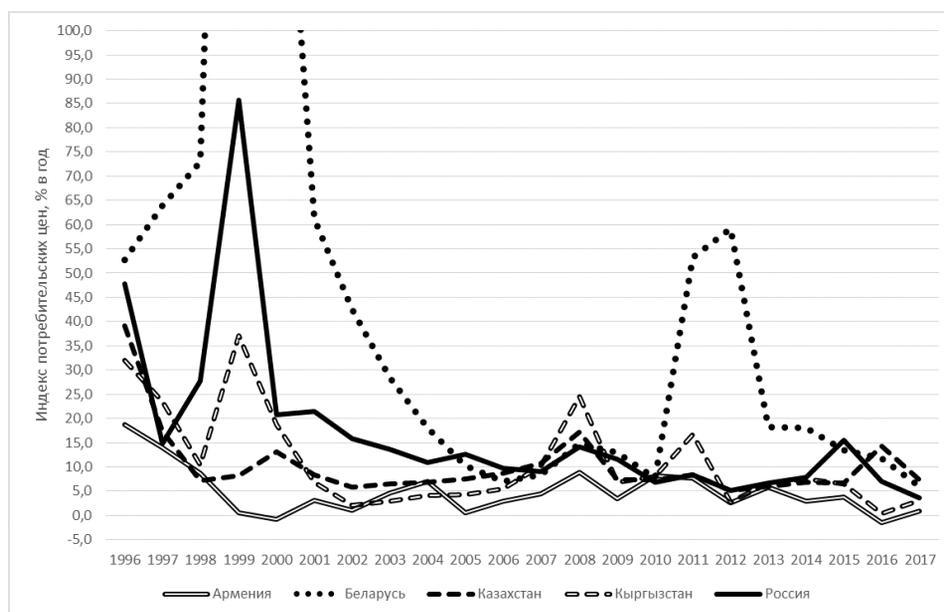

Рис. 11. Динамика индекса потребительских цен в государствах-членах ЕАЭС, % в год

Источник: World Development Indicators, 2018. – URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators#> (дата обращения – 05.11.2018).

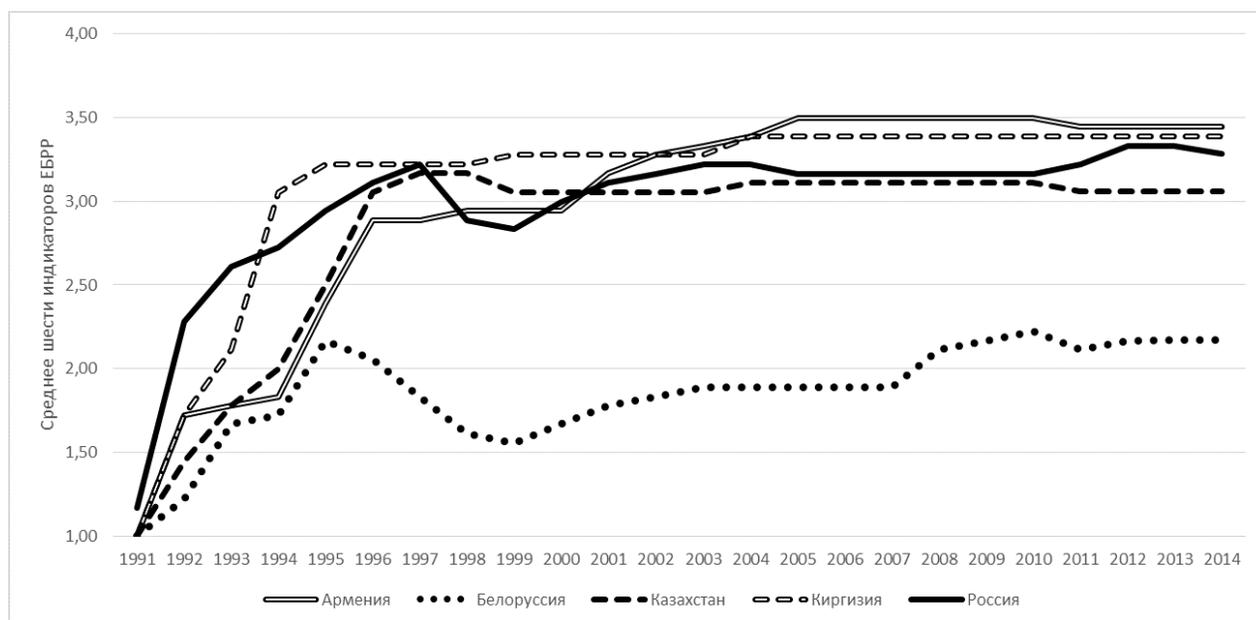

Рис. 12. Среднее шести индикаторов ЕБРР по переходу к рынку, 1991-2014 гг.

Источник: рассчитано автором по: EBRD, Transition Indicators by Country. – URL: <https://www.ebrd.com/cs/Satellite?c=Content&cid=1395245467784&d=&pagename=EBRD%2FContent%2FDownloadDocument> (дата обращения – 08.11.2018).

Примечательно, что на 2014 г. (последний год расчета данных индикаторов) только у Киргизии наблюдается наиболее высокое значение (пик либерализации) среднего шести индикаторов ЕБРР, однако данное значение держится на неизменном уровне в 3,39 балла с 2004 г., что ясно свидетельствует о приостановке либеральных реформ в стране в течение десятилетнего периода. У всех остальных государств-членов ЕАЭС данный показатель в 2014 г. перед формированием Союза находился на уровне ниже пика реализации реформ, что говорит о проведении этими странами более протекционистской политики. Так, у Армении пик реализации реформ приходился на 2005-2010 гг., когда среднее шести индикаторов ЕБРР достигало наивысшего значения среди государств-членов ЕАЭС – 3,5 баллов. У России наибольшего значения (3,33 балла) этот показатель достигал в 2012-2013 гг.; у Казахстана (3,17 баллов) – в

1997-1998 гг. Наконец, в Белоруссии наблюдалось два пика в реализации реформ – в 1995 г. (2,17 балла) и в 2010 г. (2,22 балла).

Динамика проведения реформ по секторам экономики и сферам компетенции ЕАЭС

По прогрессу в реализации реформ в крупных секторах экономики (корпоративный сектор, топливно-энергетический комплекс, инфраструктура, финансовые рынки – см. рис. 13) безусловное первое место в течение всего периода занимает Российская Федерация, у которой данный показатель имел тенденцию к постоянному увеличению (с 2,67 балла в 2010 г. до 2,98 баллов по итогам 2016 г.). Армения и Казахстан занимали 2-3 места со значениями данного показателя около 2,5 баллов. Киргизия занимал четвертую строчку, при этом степень либерализации в течение рассматриваемого периода снижалась (с 1,98 баллов в 2010 г. до 1,89 баллов в 2016 г.). Белоруссия занимала пятое место со средним показателем в 1,74 балла.

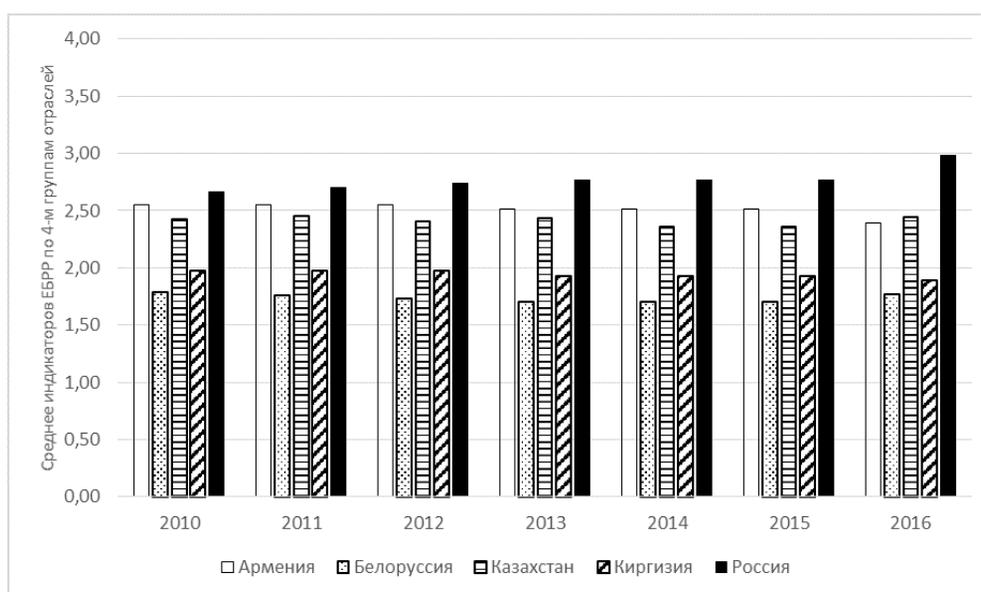

Рис. 13. Среднее четырех отраслевых индикаторов ЕБРР по переходу к рынку

Источник: EBRD, Sector Transition Scores. – URL: <https://www.ebrd.com/cs/Satellite?c=Content&cid=1395236497710&d=Mobile&pagename=EBRD%2FContent%2FContentLayout> (дата обращения – 08.11.2018).

В части либерализации корпоративного сектора (рис. 14) до 2013 г. на первом месте находилась Армения, с которой затем сравнилась Россия (средний показатель по отраслям корпоративного сектора – 2,85 балла), причем до 2016 г. по данному показателю в обеих странах не наблюдалось тенденции к повышению. Некоторый прогресс в либерализации корпоративного сектора имел место в Казахстане и Киргизии, где показатель увеличился, соответственно, с 2,57 балла в 2010 г. до 2,68 балла в 2016 г. и с 2,20 балла в 2010 г. до 2,40

балла в 2016 г., соответственно. Белоруссия является единственной страной, где в указанный период в корпоративном секторе наблюдался откат в либеральных реформах со снижением показателя ЕБРР с 2,33 балла 2010 г. до 2,08 балла в 2016 г.

В отличие от корпоративного сектора в топливно-энергетическом комплексе (ТЭК) ни одна страна, входящая в ЕАЭС, не продемонстрировала движения в сторону большей либерализации (рис. 15). Наоборот, у Армении, находящейся на первом месте, Казахстана

(3-е место) и Киргизии (4-е место) наблюдалось усиление присутствия государства в этом секторе. Поэтому значение этого показателя у данных стран снизилось, соответственно, с 2,90 до 2,77 балла, с 2,33 до 2,13 балла и с 2,20 до

2,00 баллов. В то же время в России и Белоруссии, средний показатель по отраслям ТЭК и энергетики находился на одном и том же уровне, соответственно, в 2,43 балла (2 место) и 1,43 балла (5 место).

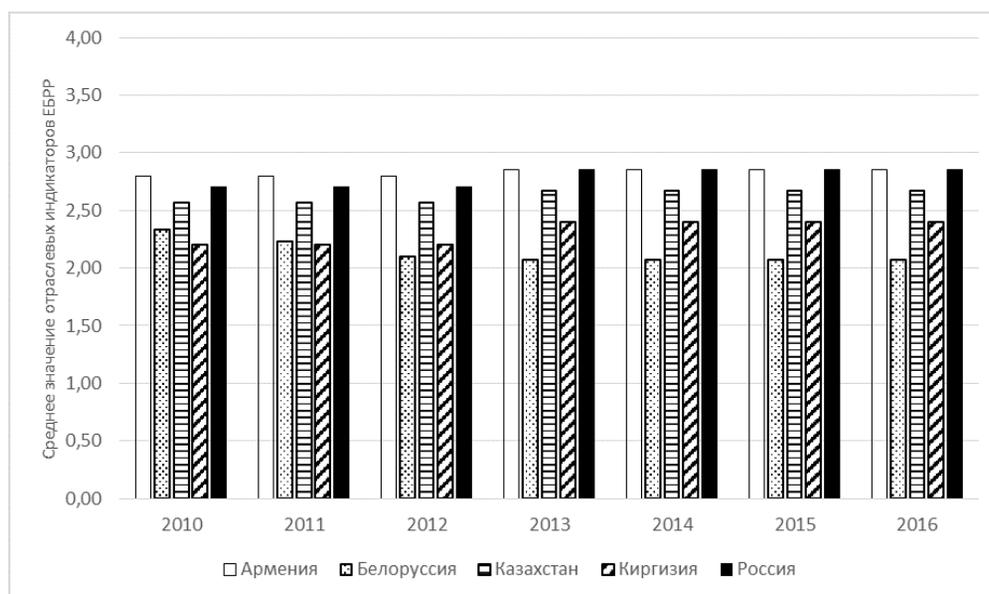

Рис. 14. Отраслевой индикатор ЕБРР по переходу к рынку – корпоративный сектор

Источник: EBRD, Sector Transition Scores. – URL: <https://www.ebrd.com/cs/Satellite?c=Content&cid=1395236497710&d=Mobile&pagename=EBRD%2FContent%2FContentLayout> (дата обращения – 08.11.2018).

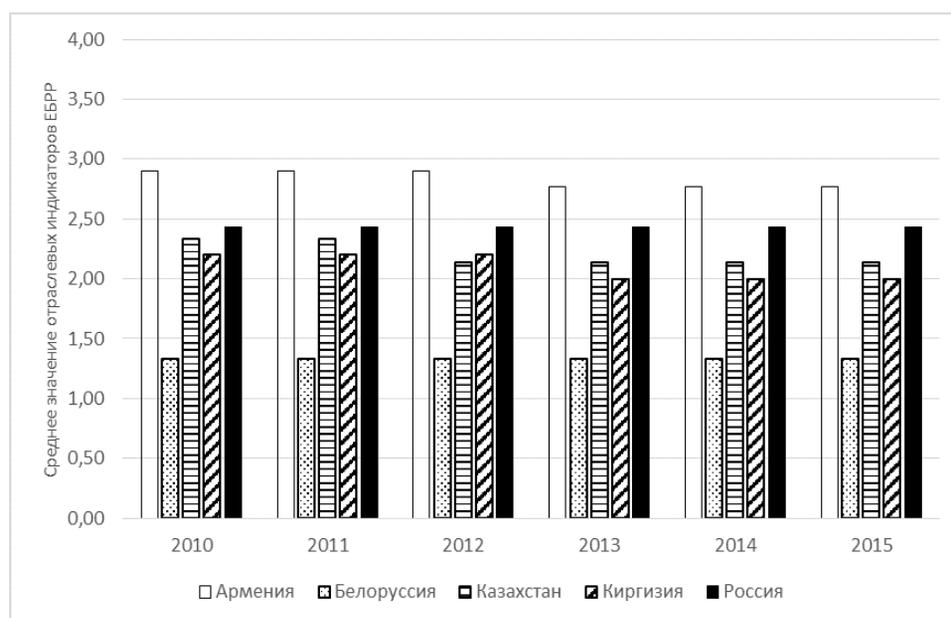

Рис. 15. Отраслевой индикатор ЕБРР по переходу к рынку – топливно-энергетический комплекс

Источник: рассчитано по: EBRD, Sector Transition Scores. – URL: <https://www.ebrd.com/cs/Satellite?c=Content&cid=1395236497710&d=Mobile&pagename=EBRD%2FContent%2FContentLayout> (дата обращения – 08.11.2018).

В инфраструктурном секторе (рис. 16) лидером по привлечению частного капитала в эту сферу деятельности является Россия, где

средний показатель по отраслям вырос за рассматриваемый период с 2,86 до 3,23 балла. В Казахстане определенная либерализация дея-

тельности была осуществлена в 2010-2011 гг. (увеличение значения показателя с 2,46 балла до 2,58 балла), однако затем это значение не изменялось. Во всех остальных государствах-членах ЕАЭС наблюдался некоторый откат в либерализации сектора (Армения, Киргизия,

Белоруссия), причем значения показателя в Киргизии и Белоруссии снизились, соответственно, с 1,88 балла до 1,68 балла и с 1,74 балла до 1,57 балла, что свидетельствует о прева-лировании государства в этом базовом секторе экономики.

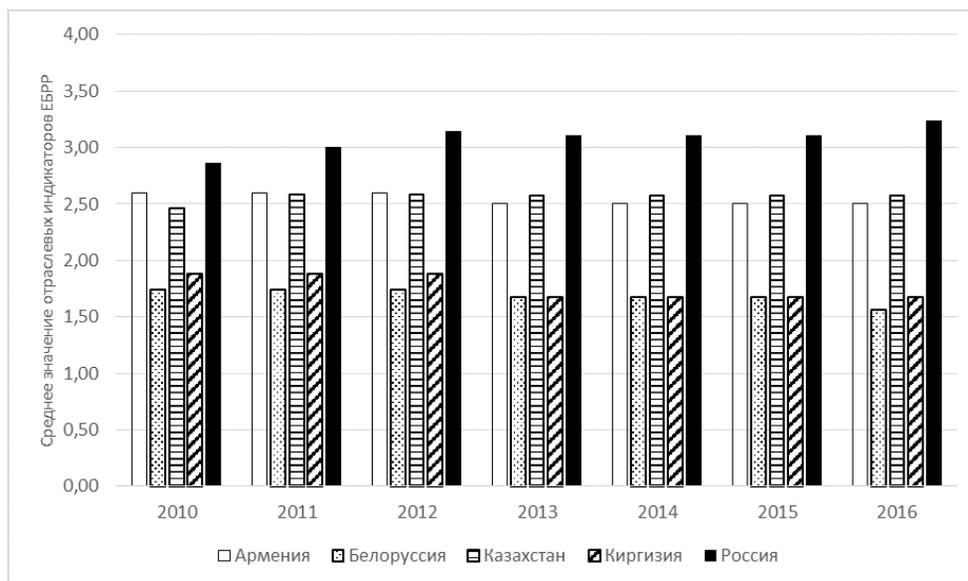

Рис. 16. Отраслевой индикатор ЕБРР по переходу к рынку – инфраструктура

Источник: EBRD, Sector Transition Scores. – URL: <https://www.ebrd.com/cs/Satellite?c=Content&cid=1395236497710&d=Mobile&pagename=EBRD%2FContent%2FContentLayout> (дата обращения – 08.11.2018).

Наибольшей либерализацией финансовых рынков (рис. 17) отличается Россия, где процесс реформ в течение рассматриваемого периода времени неуклонно продвигался вперед (увеличение значения показателя с 2,67 балла до 2,98 балла). Далее идут Казахстан и Армения с флагманскими проектами, соответственно, по созданию Международного финансового центра в Астане и развитию фондовой биржи «Насдак ОЭМЭкс Армения» (NASDAQ OMX Armenia), входящей в группу NASDAQ OMX. Замыкают список Киргизия и Белоруссия, где имел место некоторый откат в либерализации сектора (зафиксировано снижение показателя, соответственно, с 1,98 балла до 1,89 балла и с 1,79 до 1,77 балла). В целом в результате реформ финансового сектора во всех странах-членах ЕАЭС кроме Белоруссии центральные банки получили функции мегарегуляторов, сочетая регулирование и надзор за всеми участниками финансового сектора и инфраструктурными организациями финансового рынка, что может облегчить координацию политики центральных банков всех пяти государств.

Вместе с тем, Белоруссия является единственным государством-членом ЕАЭС, где объем промышленного производства вырос за период

1990-2017 гг. весьма значительно – в 2,5 раза (рис. 18). Таким образом, специализация Белоруссии на производстве готовой продукции, сформированная в рамках промышленной кооперации в СССР, была в значительной степени сохранена и развита. На втором месте по развитию выпуска отраслей промышленности в постсоветское время находится Казахстан (прирост – 36%), но это было достигнуто, в основном, за счет развития нефтегазового сектора. Со своей стороны, Россия, несмотря на последовательную и системную работу профильных министерств и ведомств (в первую очередь, Министерства промышленности и торговли и Министерства энергетики Российской Федерации) по объему промышленного производства в 2017 г. пока вышла на уровень 84% от 1990 г. Почти такого же показателя добилась Армения (85%), где в начале 1990-х гг. выпуск промышленной продукции упал на 77% по сравнению с 1990 г.

В целом, большинство государств-членов ЕАЭС кроме Белоруссии в отношении крупных предприятий реализовали достаточно объемную приватизационную программу (рис. 19). Так, наиболее высокие показатели, который составляют 3,7 балла, имеют Армения и Киргизия. Однако

оценка прогресса по пути либерализации в этом направлении России не меняется, соответственно, с 1993 г. по 1996 г. и с 2005 г. по настоящее время (3 балла), а в 1997-2004 гг. показатель для России был на 0,3 балла выше. Оценка для Казахстана (также 3 балла) остается неизменной

с 1996. Такие показатели вполне объективно отражают общую модель в России и Казахстане, сформировавшуюся в 2000-е гг. и нацеленную на построение конкурентоспособного в международном масштабе де-факто государственного капитализма.

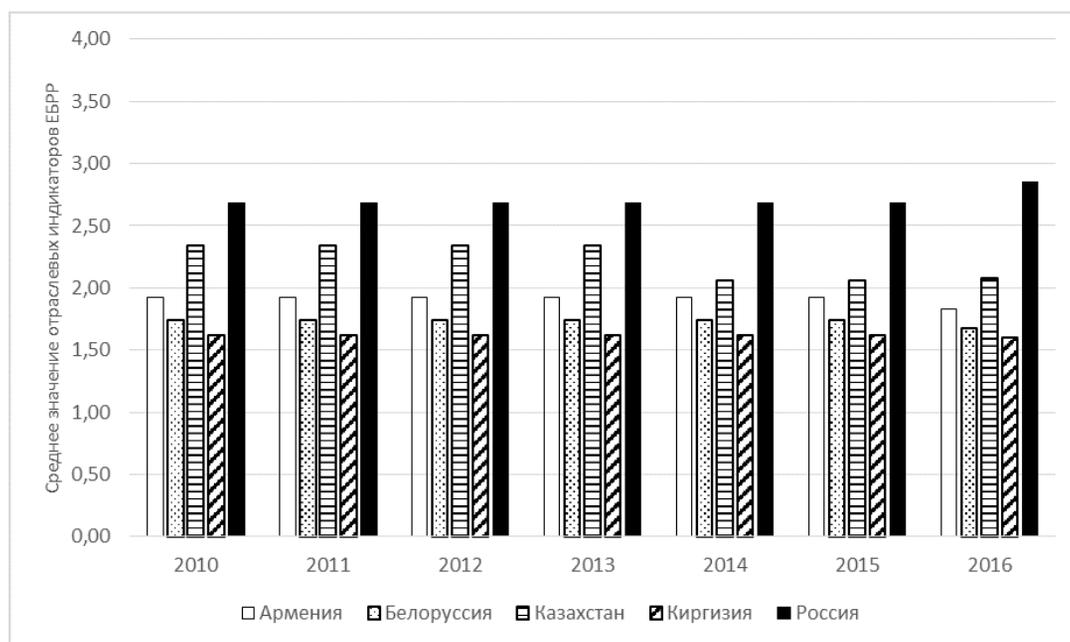

Рис. 17. Отраслевой индикатор ЕБРР по переходу к рынку – финансовые рынки

Источник: EBRD, Sector Transition Scores. – URL: <https://www.ebrd.com/cs/Satellite?c=Content&cid=1395236497710&d=Mobile&pagename=EBRD%2FContent%2FContentLayout> (дата обращения – 08.11.2018).

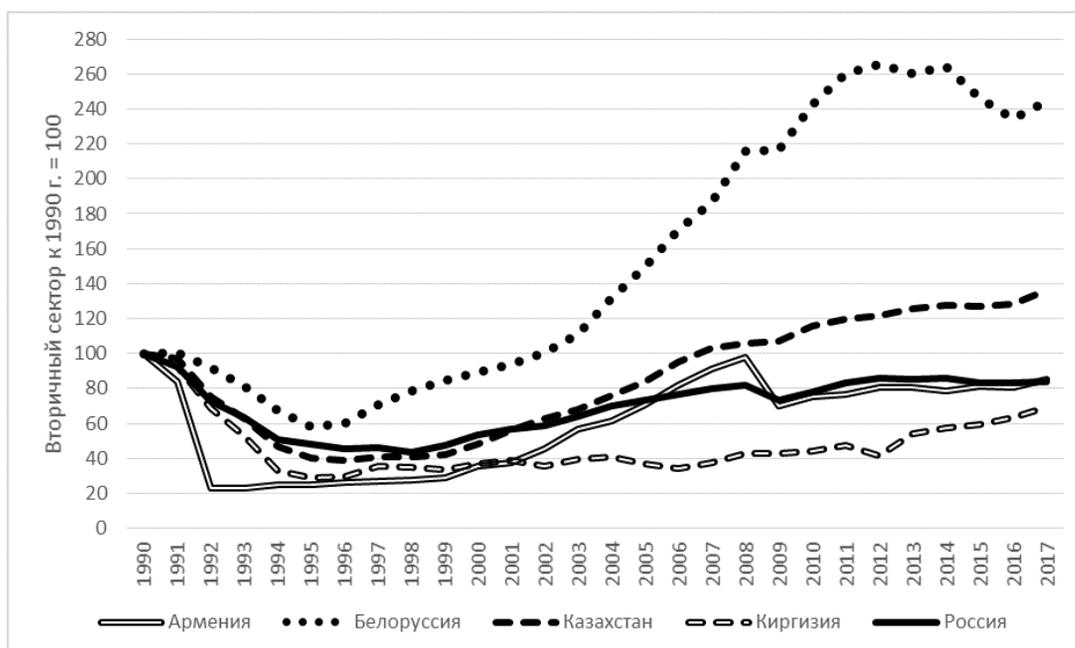

Рис. 18. Динамика промышленного производства (вторичный сектор экономики) в государствах-членах ЕАЭС, 1990-2017 гг. (1990=100)

Источник: рассчитано автором по: World Development Indicators, 2018. – URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators#> (дата обращения – 05.11.2018).

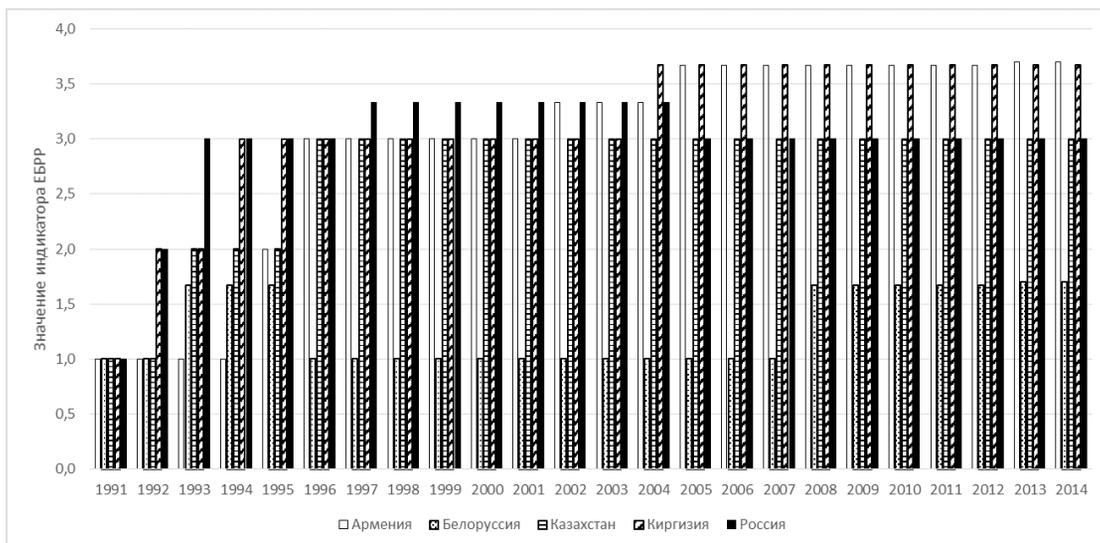

Рис. 19. Индикатор ЕБРР по переходу к рынку – крупномасштабная приватизация

Источник: EBRD, Transition Indicators by Country. – URL: <https://www.ebrd.com/cs/Satellite?c=Content&cid=1395245467784&d=&pagename=EBRD%2FContent%2FDownloadDocument> (дата обращения – 08.11.2018).

Так, в России основными драйверами развития, помимо крупных частных компаний/групп компаний в нефтегазовой сфере, металлургии, химической промышленности, с конца 2000-х гг. стали Госкорпорация «Ростех», Госкорпорация по атомной энергии «Росатом», проводится активная реструктуризация «Внешэкономбанка» для выведения этого крупнейшего института развития в России на прибыльность; недавно была образована Госкорпорация «Роскосмос». В Казахстане, в силу меньшего размера экономики для достижения эффекта масштаба и повышения эффективности управления в 2008 г. было образовано АО

«Фонд национального благосостояния «Самрук-Казына», контролирующее стратегические активы в стране.

Примечательно, что во время и после активного запуска данного процесса ЕБРР весьма невысоко оценивал процесс реструктуризации предприятий в государствах-членах ЕАЭС (см. рис. 20). Проведение всеми пятью странами относительно самостоятельной политики в базовых отраслях экономики (прежде всего в секторе добычи полезных ископаемых) также выражается в невысоких показателях соответствующих рейтингов ЕБРР (рис. 21).

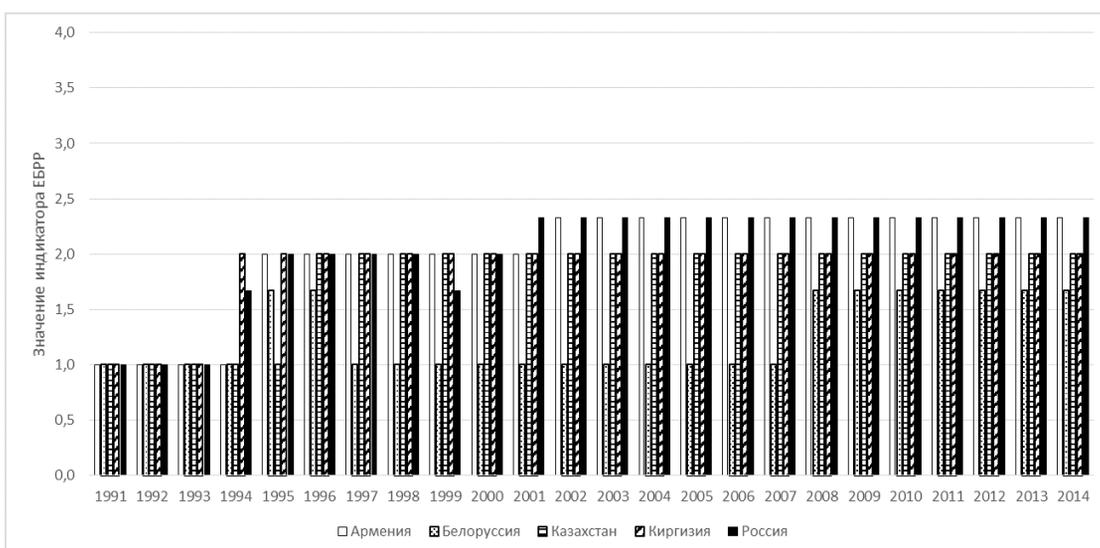

Рис. 20. Индикатор ЕБРР по переходу к рынку – реструктуризация предприятий

Источник: EBRD, Transition Indicators by Country. – URL: <https://www.ebrd.com/cs/Satellite?c=Content&cid=1395245467784&d=&pagename=EBRD%2FContent%2FDownloadDocument> (дата обращения – 08.11.2018).

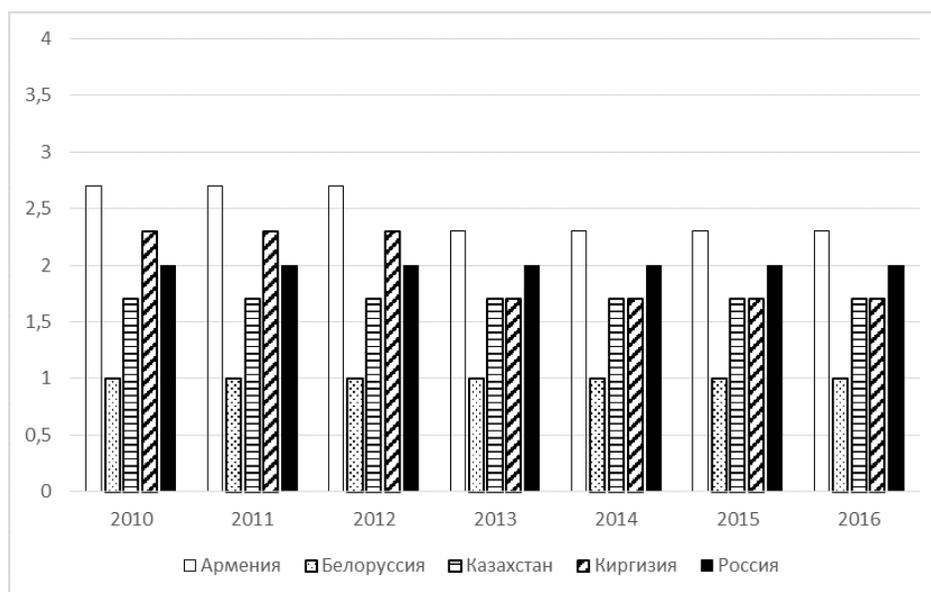

Рис. 21. Индикатор ЕБРР по переходу к рынку – сектор добычи полезных ископаемых

Источник: EBRD, Sector Transition Scores. – URL: <https://www.ebrd.com/cs/Satellite?c=Content&cid=1395236497710&d=Mobile&pagename=EBRD%2FContent%2FContentLayout> (дата обращения – 08.11.2018).

Создание крупных государственных корпораций ознаменовало собой коренной поворот в политике государства по отношению к промышленному сектору – начало реализации системной промышленной политики по развитию приоритетных отраслей экономики,⁴⁶ что ранее не вписывалось в более либеральную модель экономической политики этих государств. С нашей точки зрения, наличие стратегического планирования, активно практикуемого в России с 2000 г., а в Казахстане – с 1997 г., и умеренное государственное планирование, оставшееся в Белоруссии, являются серьезными конкурентными преимуществами перед другими странами-членами ЕАЭС.

Если же рассматривать результаты приватизационного процесса в странах-членах ЕАЭС на региональном и местном уровне, то с учетом значительного количества предприятий, переданных в частную собственность, неудивительно, что все страны-члены ЕАЭС за исключением Белоруссии имеют весьма высокие показатели в рейтинге ЕБРР в этой категории индикаторов, оценивающих степень перехода к рынку (см. рис. 22). Более того, с конца 2000-х гг. после начала реализации активной промышленной политики в Российской Федерации наблюдается ускоренное строи-

тельство новых заводов и фабрик. Так, среднее число построенных и запущенных производств в промышленности (исключая агропромышленный комплекс) в 2013-2016 гг. составило 262 ед. с ежегодным объемом инвестиций от 690 до 860 млрд руб. (рис. 23). Оба показателя достаточно сильно снизились в 2017-м и в 2018-м гг., что может быть связано как с отложенным эффектом санкций, так и отложенным эффектом реализации жесткой денежно-кредитной политики.

Что касается процесса реформ в секторе электроэнергетики в части реформы вертикально интегрированной компании, объединяющей генерацию, деятельность по передаче электрической и тепловой энергии, по оперативно-диспетчерскому управлению и по сбыту электроэнергии конечным потребителям, то здесь безусловными лидерами среди стран-членов ЕАЭС являются Россия и Армения (рис. 24). Казахстан и Киргизия остаются странами, проводящими осторожную политику, а коммерциализация и переход на самокупаемость электроэнергетики в Белоруссии только планируется в ближайшей перспективе в связи с формированием единого энергорынка в ЕАЭС и ожидаемым в 2020 г. запуском Белорусской АЭС.

⁴⁶ Для закрепления этого стратегического направления в законодательстве в Российской Федерации был принят Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации» (№488-ФЗ от 31.12.2014 г.).

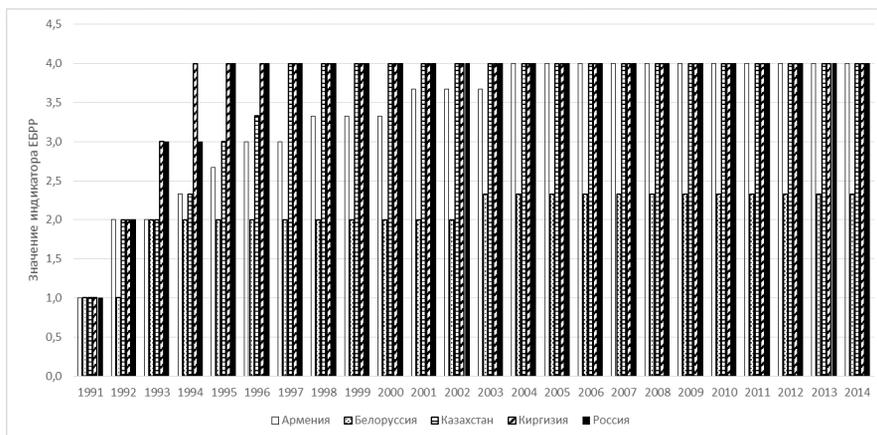

Рис. 22. Индикатор ЕБРР по переходу к рынку – приватизация на локальном уровне

Источник: EBRD, Transition Indicators by Country. – URL: <https://www.ebrd.com/cs/Satellite?c=Content&cid=1395245467784&d=&pagename=EBRD%2FContent%2FDownloadDocument> (дата обращения – 08.11.2018).

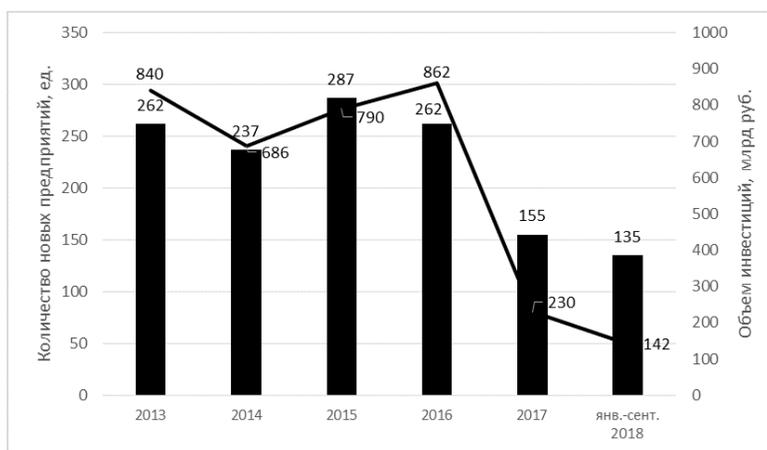

Рис. 23. Построенные и запущенные производства в России (исключая агропромышленный комплекс), 2013-2018 гг.

Источник: составлено автором по данным портала «Сделано у нас». – URL: <https://sdelanounas.ru/> (дата обращения – 10.11.2018).

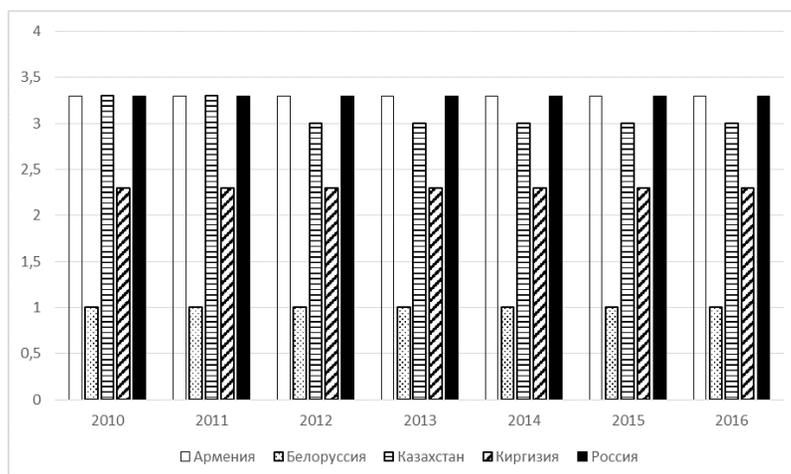

Рис. 24. Индикатор ЕБРР по переходу к рынку – сектор электроэнергетики

Источник: EBRD, Sector Transition Scores. – URL: <https://www.ebrd.com/cs/Satellite?c=Content&cid=1395236497710&d=Mobile&pagename=EBRD%2FContent%2FContentLayout> (дата обращения – 08.11.2018).

Агропромышленный сектор (АПК) в рассматриваемых государствах после реализации земельной реформы в 1990-х гг. и ликвидации (реорганизации в Белоруссии) колхозных и совхозных хозяйств пришел в части потенциала реформ в относительно равновесие, что отражается в не меняющихся на протяжении ряда лет рейтингах ЕБРР (см. рис. 25). В странах, которые делали ставку на развитие фермерского хозяйства (Армения, Киргизия, Россия), по факту реформы доказали свою несостоятельность из-за объективной неспособности фермеров поддерживать высокую производительность труда и заниматься товарным производством в отсутствие значитель-

ных вливаний в сектор со стороны государства. В Белоруссии пошли по пути реформирования колхозов и совхозов в более крупные хозяйства, в других странах ЕАЭС наиболее конкурентоспособными также являются крупные агрохолдинги, часто интегрирующие большую часть производственной цепочки – выращивание культурных растений, сбор, хранение, переработку и производство готовых продуктов. В последние годы с приходом на рынок постсоветских государств крупных западных торговых сетей именно они стали замыкать на себя управление всей цепочкой создания стоимости, определяя в т.ч. стандарты для сельскохозяйственного производства.

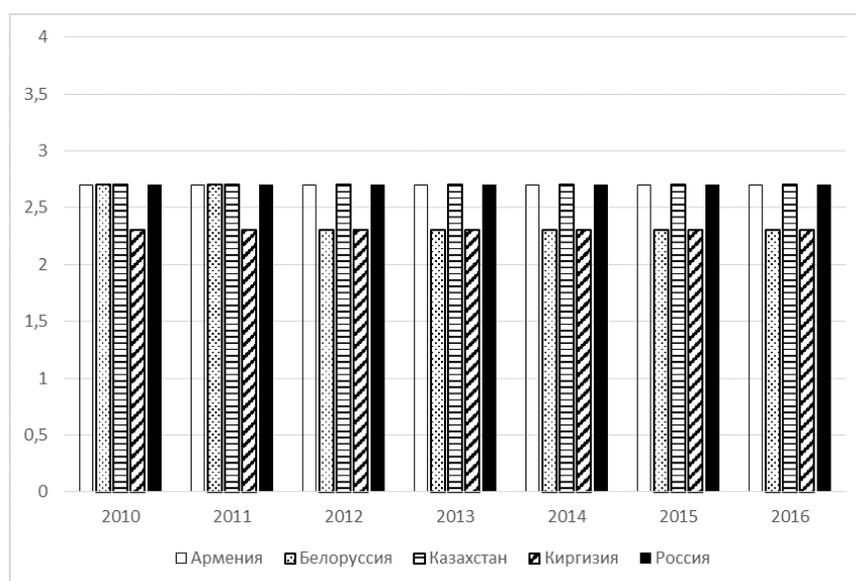

Рис. 25. Индикатор ЕБРР по переходу к рынку – агропромышленный сектор

Источник: EBRD, Sector Transition Scores. – URL: <https://www.ebrd.com/cs/Satellite?c=Content&cid=1395236497710&d=Mobile&pagename=EBRD%2FContent%2FContentLayout> (дата обращения – 08.11.2018).

Лидером среди стран ЕАЭС по приросту сельскохозяйственного производства можно признать Армению, где в 2017 г. этот показатель составил 227% от уровня 1990 г. Далее идет Киргизия со 157% и Белоруссия со 135%. Примечательно, что сельское хозяйство в России до введения контрсанкций в 2014 г. против продуктов, произведенных в странах ЕС и некоторых других государствах, сильно уступало по выпуску сельскому хозяйству РСФСР образца 1990 г. Только в последние четыре года, благодаря активной поддержке государства, объем выпуска в первичном секторе экономики Российской Федерации достиг 101% от показателя 1990 г. (рис. 26).

Прогресс стран в проведении реформ в разных отраслях финансового сектора представлен на рис. 27-29. Здесь по всем показателям лиде-

ром по либерализации является Россия, а на втором месте идет Казахстан, где в последние годы наблюдается некоторый разворот в проведении реформ. Снижение рейтингов Казахстана объясняется сложной ситуацией в банковском секторе страны с конца 2000-х гг., ухудшением ситуации в связи с девальвацией тенге 2015 г. и откатом в проведении пенсионной реформы, в результате которой резко снизилась роль частных пенсионных фондов.

Транспортный сектор – еще один пример активной реализации в России комплекса рыночных реформ, нацеленных на коммерциализацию транспортных услуг, и, безусловно, главной реформой стало создание и реорганизация ОАО «РЖД» с выделением и приватизацией операторов грузовых вагонов. Не вдаваясь в рамках ста-

ть в детали эффективности данной реформы как для дальнейшей деятельности «РЖД», так и для российской экономики в целом, необходимо отметить, что по качеству регулирования данной отрасли в отношении участия частного сектора Россия может сравниться с ведущими развитыми

странами, что подтверждается показателем ЕБРР – 3,7 балла с 2012 г. (рис. 30). Второе место занимает Казахстан (3 балла), третье – Армения (2,3 балла). В то же время в Белоруссии и Киргизии либерализация сектора железнодорожного транспорта еще практически не начиналась.

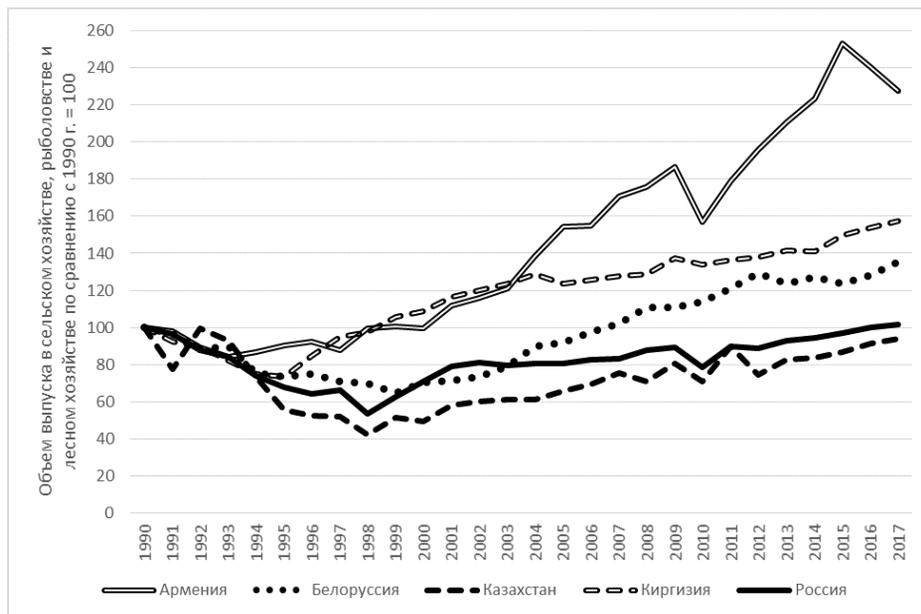

Рис. 26. Динамика объема выпуска сельского хозяйства, рыболовства и лесного хозяйства (первичный сектор экономики) в государствах-членах ЕАЭС, 1990-2017 гг. (1990=100)

Источник: рассчитано автором по: World Development Indicators, 2018. – URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators#> (дата обращения – 05.11.2018)

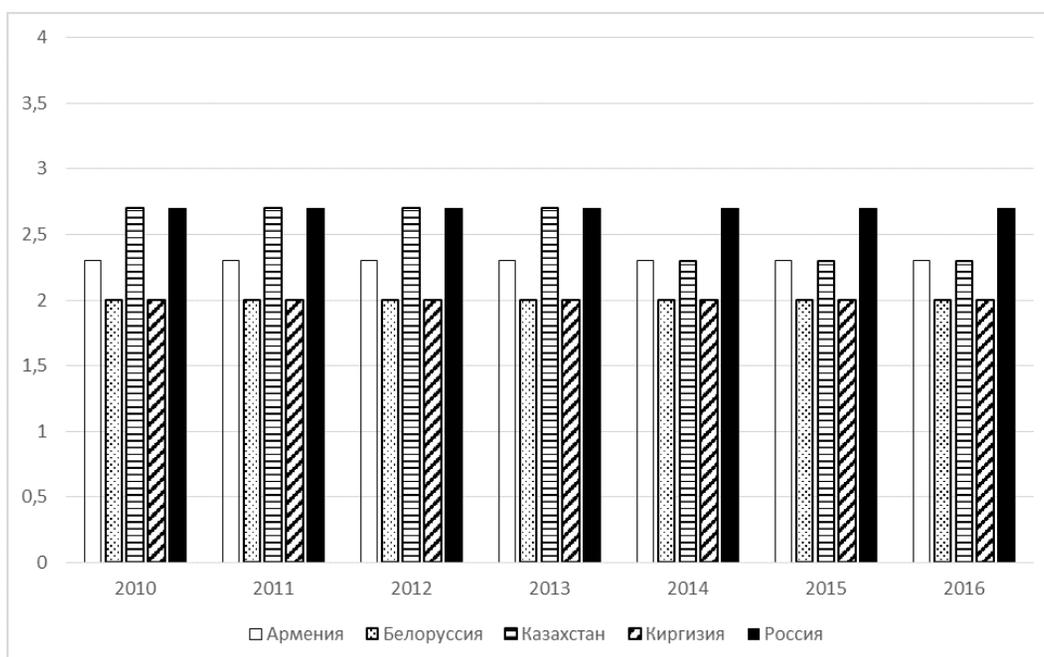

Рис. 27 Индикатор ЕБРР по переходу к рынку – банковский сектор

Источник: EBRD, Sector Transition Scores. – URL: <https://www.ebrd.com/cs/Satellite?c=Content&cid=1395236497710&d=Mobile&pagename=EBRD%2FContent%2FContentLayout> (дата обращения – 08.11.2018).

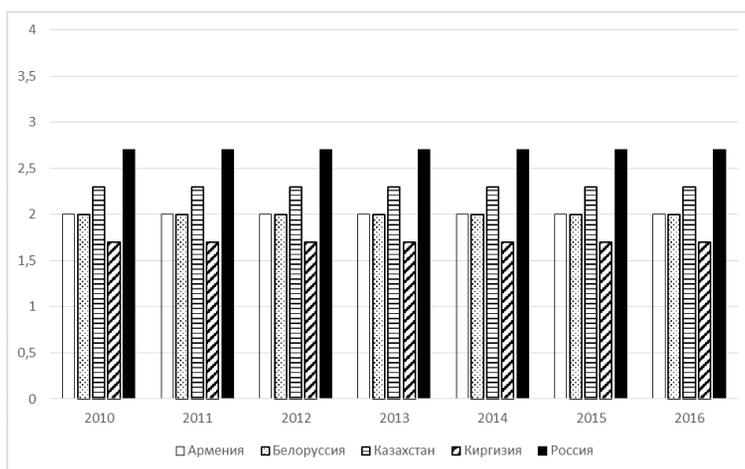

Рис. 28. Индикатор ЕБРР по переходу к рынку – небанковский сектор

Источник: EBRD, Sector Transition Scores. – URL: <https://www.ebrd.com/cs/Satellite?c=Content&cid=1395236497710&d=Mobile&pagename=EBRD%2FContent%2FContentLayout> (дата обращения – 08.11.2018).

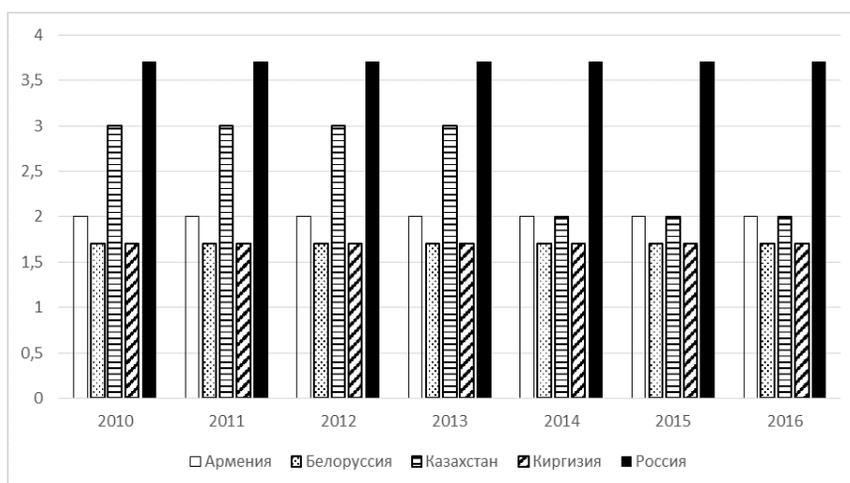

Рис. 29. Индикатор ЕБРР по переходу к рынку – рынок капитала

Источник: EBRD, Sector Transition Scores. – URL: <https://www.ebrd.com/cs/Satellite?c=Content&cid=1395236497710&d=Mobile&pagename=EBRD%2FContent%2FContentLayout> (дата обращения – 08.11.2018).

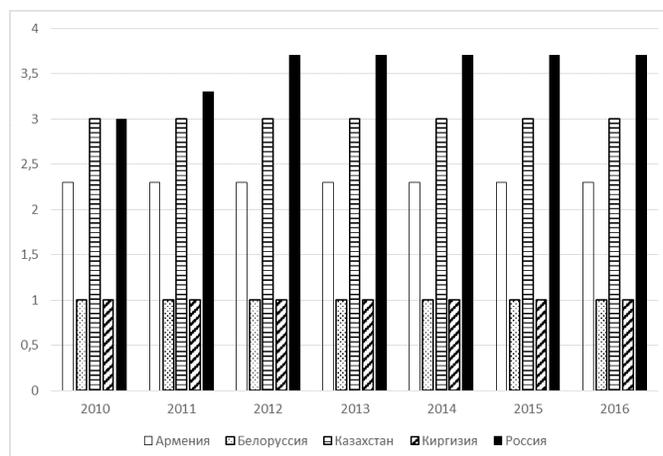

Рис. 30. Индикатор ЕБРР по переходу к рынку – железнодорожный транспорт

Источник: EBRD, Sector Transition Scores. – URL: <https://www.ebrd.com/cs/Satellite?c=Content&cid=1395236497710&d=Mobile&pagename=EBRD%2FContent%2FContentLayout> (дата обращения – 08.11.2018).

Сектор информационно-коммуникационных технологий России также можно отнести к продвинутым в части коммерциализации и качества предоставляемых услуг по сравнению с любыми развитыми странами (рис. 31). В Армении,

Казахстане и Киргизии были тоже проведены вполне успешные реформы, но здесь надо иметь в виду, что основными операторами, например, мобильной связи во многих странах СНГ являются как раз российские компании.

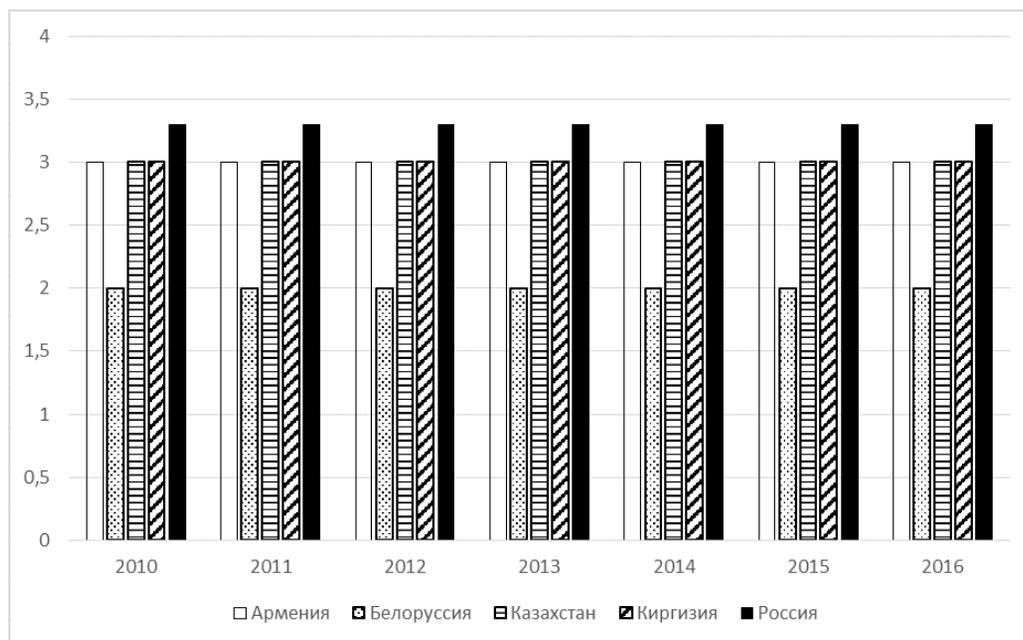

Рис. 31. Индикатор ЕБРР по переходу к рынку – сектор информационно-коммуникационных технологий

Источник: EBRD, Sector Transition Scores. – URL: <https://www.ebrd.com/cs/Satellite?c=Content&cid=1395236497710&d=Mobile&pagename=EBRD%2FContent%2FContentLayout> (дата обращения – 08.11.2018).

Наконец, результаты реформ в государствах-членах ЕАЭС в области фискальной и налоговой политики можно охарактеризовать как успешные, так как во всех странах были сформированы достаточно эффективные налоговые системы с весьма льготными по меркам развитых стран ставками налогов на доходы физических лиц,⁴⁷ при этом с учетом федеративного государственного устройства налоговая система в России является наиболее комплексной. Можно отметить также прогресс в налоговом администрировании за последние 10 лет у Армении, Белоруссии, Казахстана и России, что нашло свое отражение в повышении показателей этих стран в рейтинге Всемирного банка «Ведение бизнеса» (Doing business). Единственной страной с низким и неизменным в течение 2006-2018 гг. рейтингом (150 место) является Киргизия. К налоговым вопросам, влияющим на функционирование единого рынка в рамках ЕАЭС можно отнести различия в ставках косвенных и прямых налогов, которые должны быть со временем минимизированы,

чтобы не исказить поведение субъектов предпринимательства. В отношении косвенных налогов, например, стандартная ставка налога на добавленную стоимость (НДС) в Казахстане и Киргизии сейчас составляет 12%, в то время как в России она была равна 18% (с 2019 г. – 20%), а в Армении и Белоруссии – 20%.

В целом можно отметить значительный прогресс Белоруссии и России по всем компонентам рейтинга «Ведение бизнеса» (скачок вверх на 92 места и на 65 мест, соответственно), особенно по таким показателям как «подключение к системе электроснабжения» (обе страны), «получение кредитов» и «получение разрешений на строительство» (для России) и «регистрация предприятий» (для Белоруссии). Вместе с тем, снижение рейтинга Армении объясняется тем, что уже в 2007 г. она занимала 34-е место из 175 стран, а Казахстан по итогам последнего доклада Всемирного банка второй год подряд занимает 28 место – наивысший показатель среди государств-членов ЕАЭС.

⁴⁷ В Казахстане и Киргизии – 10%, в России и Белоруссии – по 13% (везде – плоская шкала налогообложения), в Армении – базовая ставка 24,4% (прогрессивная шкала).

Таблица 2

Изменение места государств-членов ЕАЭС в рейтинге «Ведение бизнеса» 2007 и 2019 гг.*

Показатели	Армения	Белоруссия	Казахстан	Киргизия	Россия
	<i>Плюс – повышение места, минус – снижение места в рейтинге</i>				
Рейтинг легкости ведения бизнеса	-7	+92	+35	+20	+65
Регистрация предприятий	+38	+119	+4	+6	+1
Получение разрешений на строительство	-62	+38	+84	+114	+115
Подключение к системе электроснабжения (с 2012 г.)	+133	+155	+10	+17	+171
Регистрация собственности	-12	+91	+58	+23	+32
Получение кредитов	+21	+32	-12	+33	+137
Защита миноритарных инвесторов	+32	+91	+45	-5	+3
Налогообложение	+66	+76	+10	0	+45
Международная торговля	+73	+88	+70	+103	+44
Обеспечение исполнения контрактов	-6	+7	+23	-93	+7
Разрешение неплатежеспособности	-55	+19	+63	+45	+26

* - количество стран в рейтинге «Ведение бизнеса» за рассматриваемый период времени увеличилось с 175 до 190 ед.

Источник: составлено автором по: Doing Business 2007: How to Reform. Comparing Regulation in 175 Economies. / A Copublication of the World Bank and International Finance Corporation, The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank, Washington, DC, 2006. 187 p.; Doing Business 2012: Doing Business in a More Transparent World. Comparing Regulation for Domestic Firms in 183 Economies. / A copublication of The World Bank and the International Finance Corporation, The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank, Washington, DC, 2012. 200 p.; Doing Business 2019: Training for Reform. Comparing Business Regulation for Domestic Firms in 190 Countries. / The World Bank Group, Washington, DC, 2018. – 304 p.

В дополнение к этому мы также рассмотрим динамику стран-членов ЕАЭС в рейтинге ВЭФ «Индекс глобальной конкурентоспособности» (The Global Competitiveness Index) по фактору «институты», который идет в рейтинге под номером 1 (табл. 3). Особенностью методики построения рейтинга ВЭФ является широкое использование опросов для получения экспертных мнений по таким критериям, где четкие количественные оценки невозможны. Как раз составление рейтингов по всем критериям фактора «институты» строится исключительно на данных таких опросов. Так как у респондентов обычно нет возможности сравнивать ситуацию в разных странах, их ответы отражают скорее личную точку зрения или настроение общественности по данным вопросам.

Хотя в этом рейтинге отсутствует информация по Белоруссии, имеющиеся данные по четырём другим государствам позволяют сделать вывод об улучшении восприятия/настроений по абсолютному большинству критериев, что, безусловно, должно позитивно влиять и на раз-

витие общего рынка ЕАЭС. Так, Армения улучшила свои показатели по всем индикаторам, рассчитывавшимся в 2007 и 2017 гг. и поднялась в рейтинге на 41 место вверх. Показатели России незначительно снизились только по 3-м из 18 индикаторов («качество стандартов отчетности и аудита», «эффективность деятельности советов директоров компаний» и «защита прав инвесторов»), а в общем рейтинге страна поднялась на 31 место вверх. Киргизия и Казахстан улучшили свое положение в рейтинге на 24 и 20 мест, соответственно, имея по 4 и 6 ухудшившихся индикаторов относительно других стран: «права собственности» и «эффективность деятельности советов директоров компаний» для обеих стран, «защита интеллектуальной собственности» и «защита прав инвесторов» – для Киргизии, и «использование общественных ресурсов в личных целях», «фаворитизм при принятии решений госслужащими», «эффективность бюджетных расходов» и «качество стандартов отчетности и аудита» – для Казахстана

Таблица 3

Изменение места государств-членов ЕАЭС в рейтинге «Индекс глобальной конкурентоспособности» 2007 и 2017 гг.

Показатели	Армения	Казахстан	Киргизия	Россия
	<i>Плюс – повышение места, минус – снижение места в рейтинге</i>			
Фактор «Институты»	+41	+20	+24	+31
1.01 Права собственности	+8	-10	-2	+3
1.02 Защита интеллектуальной собственности	+32	+3	-15	+22
1.03 Использование общественных ресурсов в личных целях	+44	-15	+21	+12
1.04 Общественное доверие политикам	+51	+29	+28	+53
1.06 Независимость судебных органов	+24	+21	+22	+16
1.07 Фаворитизм при принятии решений госслужащими	+57	-9	+28	+41
1.08 Эффективность бюджетных расходов	+23	-11	+46	+43
1.09 Бремя госрегулирования	+34	+5	+43	+39
1.12 Прозрачность в нормативно-правовой деятельности госорганов	+52	+35	+50	+48
1.13 Угроза терроризма для бизнеса	+9	+38	+7	+14
1.14 Угроза криминальной деятельности для бизнеса	+2	+30	+17	+17
1.15 Влияние организованной преступности	+5	+24	+12	+17
1.16 Надежность работы органов полиции	+25	+4	+10	+13
1.17 Корпоративная этика фирм	+57	+43	+35	+50
1.18 Качество стандартов отчетности и аудита	+23	-14	+5	-5
1.19 Эффективность деятельности советов директоров компаний	+31	-20	-3	-13
1.20 Защита прав миноритарных инвесторов	+25	+37	+3	+14
1.21 Защита прав инвесторов	+14	+32	-16	-6

Источник: составлено автором по: The Global Competitiveness Report 2017-2018. / K. Schwab (editor), X. Sala-i-Martin (chief advisor). World Economic Forum, Geneva, 2017. 380 p.; The Global Competitiveness Index database. – URL: https://tdata360.worldbank.org/indicators/gci?country=ARM&indicator=632&viz=line_chart&years=2007,2017#table-link (дата обращения – 05.11.2018).

Основные выводы

1) Три выделенных нами в отечественной науке подхода к изучению рыночных преобразований в бывших социалистических странах (объективно-позитивистский, объективно-поссибилистский и подход о невозможности позитивной трансформации плановой экономики в рыночную) предлагают широкий инструментарий для анализа институциональных изменений в рамках переходного процесса. Вместе с тем, отсутствие в российской и мировой науке единой общепринятой теории переходной экономики затрудняет сравнение трансформационных процессов меж-

ду странами. В связи с этим, наиболее приемлемой базой данной для проведения сопоставлений между странами-членами ЕАЭС можно признать систему индикаторов ЕБРР, разработанную в 1994 г. для оценки прогресса стран операций данной организации на пути рыночных реформ, которые рассчитывались с небольшими изменениями и дополнениями до 2016 г.

2) Изначально в период 1991-1993 гг. Россия являлась страной, где экономические и институциональные реформы проводились наиболее быстрыми темпами. Однако с 1994 г. по 2001 г. на первое место по степени либерализации экономи-

ки вышла Киргизия, а с 2002 г. по настоящее время первое место по глубине реализации рыночных реформ занимает Армения (Киргизия осталась на втором месте). Российская Федерация с 2000 г. занимает среди сегодняшних государств-членов ЕАЭС устойчиво третье место по степени общей либерализации экономики, в то время как Казахстан, находившийся в течение 1997-2000 гг. на втором месте, начиная с 2001 г. переместился на четвертое место. Белоруссия в течение всего рассматриваемого периода находилась на пятом месте среди государств-членов ЕАЭС по степени реализации рыночных реформ.

3) В рамках ЕАЭС фактически наблюдается обратная зависимость между глубиной рыночных преобразований и уровнем социально-экономического развития страны. Так, Армения и Киргизия с наиболее либерализованными национальными экономиками имеют самые низкие показатели подушевого ВВП, а разрыв в этих показателях с лидерами – Казахстаном и Россией – за прошедшие 27 лет сократился ненамного только для Армении, в то время как в Киргизии ситуация ухудшилась. А с учетом того, что в рамках плановой экономики потребление в этих республиках значительно превышало производство, степень отставания в части уровня жизни населения является гораздо более серьезной. Белоруссия представляет собой «золотую середину» – за счет развития тесных связей с Российской Федерацией в рамках Союзного государства в стране удалось сохранить и повысить уровень жизни населения без реализации масштабных рыночных реформ.

4) Перед формированием ЕАЭС только у Киргизии наблюдалось наиболее высокое значение показателя реализации экономических и институциональных реформ (результат проведения преобразований накопленным итогом, который, тем не менее, держался на неизменном уровне с 2004 г.). У всех остальных государств-членов ЕАЭС данный показатель к 2014 г. находился на уровне ниже пика реализации реформ, что говорит о проведении этими странами более протекционистской политики. Так, у Армении пик реализации реформ приходился на 2005-2010 гг., у России – на 2012-2013 гг.; у Казахстана – на 1997-1998 гг. Наконец, в Белоруссии наблюдалось два пика в реализации реформ – в 1995 г. и в 2010 г.

5) Данная тенденция объясняется во многом необходимостью для стран-членов ЕАЭС удерживать свою долю в мировом экспорте в усложнившихся текущих внешнеэкономических условиях, которая может сократиться в случае дальнейшей либерализации рынков. При этом в экспорте всех

пяти государств ведущей товарной группой являются минеральные ресурсы, а доля первых 10-ти ведущих товарных групп в экспорте варьирует от 73% у Белоруссии (наиболее диверсифицированный экспорт) до 94% у Казахстана. Учитывая, что по объему промышленного производства Киргизия, Россия и Армения еще не вышли на уровень 1990-го г., а у Казахстана данный показатель превысил это значение, в основном, за счет нефтегазового сектора, развитие обрабатывающей промышленности и модернизация этого сектора в Белоруссии должно быть задачей номер один для всех пяти государств, что позволит перейти к производству продукции с более высокой добавленной стоимостью и диверсифицировать экспорт.

6) Степень реализации экономических и институциональных реформ в отраслевом разрезе отличается от реформирования экономик этих стран в целом. Здесь безусловное первое место в течение 2010-2016 гг. занимает Российская Федерация, у которой данный показатель имел тенденцию к постоянному увеличению. Армения и Казахстан занимали 2-3 места, а Киргизия – четвертую строчку, при этом степень либерализации у данной Республики в течение рассматриваемого периода снижалась; Белоруссия занимала устойчиво пятое место. Наиболее очевидное лидерство Российской Федерации в проведении реформ можно отметить в отраслях финансового сектора, в секторе инфраструктуры и транспорта, в отрасли информационно-коммуникационных технологий.

Таким образом, имея информацию о направлениях и степени продвижения государств-членов ЕАЭС по пути реформ и имеющихся разрывах между странами в части развития институтов можно более четко и точно планировать процесс гармонизации законодательства и координации политики в отраслях экономики с учетом интересов и объективного состояния институциональной структуры Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и России и основной цели создания ЕАЭС – формирования единого внутреннего рынка, в рамках которого обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

Список литературы

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014), (ред. от 11.04.2017). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/0be36c1fc

- add0cdd1f8c0984ef99fbc7d8da61b9/ (дата обращения – 27.10.2018).
2. Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации» от 31.12.2014 N 488-ФЗ.
 3. Распоряжение Евразийского межправительственного совета от 25 октября 2017 г. № 17 «О плане мероприятий («дорожной карте») по устранению изъятий и ограничений на внутреннем рынке Евразийского экономического союза на 2018 – 2019 годы».
 4. Соглашение о гармонизации законодательства государств-членов Евразийского экономического союза в сфере финансового рынка (Москва, 6 ноября 2018 года) (документ не вступил в силу).
 5. Основные документы Европейского банка реконструкции и развития. ЕБРР, Лондон, апрель 1991. – 88 с.
 6. «Белая книга». Барьеры, изъятия и ограничения Евразийского экономического союза. Доклад. М.: ЕЭК, 2017. – 38 с.
 7. О ситуации по устранению препятствующих функционированию внутреннего рынка Евразийского экономического союза барьеров для взаимного доступа, а также изъятий и ограничений в отношении движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Аналитический доклад Евразийской экономической комиссии. – М.: ЕЭК, 2015 г. – 105 с.
 8. Белоусов А. Р. Эволюция системы воспроизводства российской экономики: от кризиса к развитию. – М.: МАКС Пресс, 2006. – 396 с.
 9. Бродский Б. Е. Лекции по макроэкономике переходного периода: учеб. пособие для вузов. Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2005. – 223 с.
 10. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Закономерности и модели переходной экономики // Вестник Московского Университета. Серия 6: Экономика. 1996. №1. – С. 22-32.
 11. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Теория социально-экономических трансформаций. Прошлое, настоящее и будущее экономик «реал. социализма» в глобал. постиндустр. мире: Учеб. для студентов экон. специальностей. – М.: ТЕИС, 2003. – 680 с.
 12. Гайдар Е. Т. Аномалии экономического роста // Вопросы экономики. 1996. №12. С. 12-39.
 13. Гайдар Е. Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. – М.: Дело, 2005. – 1080 с.
 14. Гайдар Е. Т. Термин – Экономика переходного периода, 1998. – URL: <https://www.iep.ru/>
 15. Глазьев С. Ю. Либеральные реформы в России: правда и вымысел // Мир России: Социология, этнология. 2012. Т. 21. № 1. С. 37-53.
 16. Григорьев Л. М. Хронология реформ. Экономические реформы конца XX в.: опыт и уроки новейшей истории // Мир России: Социология, этнология. 2012. Т. 21. № 1. С. 11-23.
 17. История экономики СССР и России в конце XX века (1985-1999) / Под общ. ред. А. А. Клишаса (Т. А. Дробышевская, В. А. Мау, С. М. Шахрай, А. А. Яник). – М.: Фонд современной истории; Издательство Московского университета, 2011. – 272 с.
 18. Колов Ю. Н. Проблемы теории переходной экономики // Вестник Томского государственного университета. 2014. №283. С. 141-148.
 19. Курс переходной экономики / Под ред. Л. И. Абалкина. – М.: Финстатинформ, 1997. – 631 с.
 20. Мау В. А. Анти-Стиглиц (Российские экономические реформы в представлении их западных критиков) // Вопросы экономики. №№11-12. 1999.
 21. Мау В. А. Кризисы и уроки. Экономика России в эпоху турбулентности. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 488 с.
 22. Мау В. А., Синельников-Мурылев С. Г., Трофимов Г. Ю. Макроэкономическая стабилизация и тенденции экономической политики России в 1995-1996 годах // Вопросы экономики. 1996. №5. С. 4-28.
 23. Обучение рынку / Под ред. С. Ю. Глазьева. – М.: Экономика, 2004. – 639 с.
 24. Радаев В. В. Концептуальные основы анализа переходной экономики // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 1996. - №1. – с. 5-21.
 25. «Сделано у нас», портал, 2018. – URL: <https://sdelanounas.ru/> (дата обращения – 10.11.2018).
 26. Стиглиц Дж. Куда ведут реформы? (К десятилетию начала переходных процессов) // Вопросы экономики. 1999. №7. – С. 4-40.
 27. Теоретические основы национальной экономики // Курс экономической теории: Общие основы экономической теории, микроэкономика, макроэкономика, переходная экономика: Учебное пособие / Науч. ред. А. В. Сидорович. М.: Дело и сервис, 2001.
 28. Трансформационная экономика России: Учеб. пособие. / А. В. Бузгалин, В. В. Герасименко, З. А. Грандберг и др.; Под

- ред. А. В. Бузгалина. – М.: Финансы и статистика, 2014. – 616 с.
29. *Трейвиш А. И.* Промышленность России за 100 лет // Россия в окружающем мире: 2002 (Аналитический ежегодник). – М.: Изд-во МНЭПУ, 2002. – С. 11-38.
30. *Фрейнкман Л. М., Даишеев В. В., Муфтяхетдинова М. Р.* Анализ институциональной динамики в странах с переходной экономикой. / Научные труды. Институт экономики переходного периода; № 126. – М.: ИЭПП, 2009. – 252 с.
31. *Ханин Г. И.* Экономическая история России в новейшее время: В 3 т. Новосибирск: Новосиб. гос. техн. ун-т, 2008-2014.
32. Экономика остается зависимой от Кумтора. // Информационно-аналитический портал Саясат. kg, 14.08.2018. – URL: <http://www.sayasat.kg/economics/64249-gdp-for-the-first-time-in-two-years-gone-economy-remains-dependent-on-kumtor.html> (дата обращения - 11.11.2018).
33. Экономика переходного периода: учебное пособие / Под ред. В. В. Радаева, А. В. Бузгалина. – М.: Изд-во МГУ, 1995. – 410 с.
34. Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России. 1991– 1997 / под ред. Е. Т. Гайдара. – М.: ИЭПП, 1998. — 1114 с.
35. *Ясин Е. Г.* Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ: Курс лекций. – М.: ГУ ВШЭ, 2002. – 437 с.
36. Aghion P., Blanchard O.J. On the Speed of Transition in Central Europe, NBER Working Paper No. 4736, May 1994
37. Åslund A. Building Capitalism. The Transformation of the Former Soviet Bloc. Cambridge University Press, 2002. 508 p.
38. Åslund A. How Capitalism Was Built: the Transformation of Central and Eastern Europe, Russia, the Caucasus, and Central Asia. Second edition. Cambridge University Press, 2013. 423 p.
39. Åslund A. How Russia Became a Market Economy. The Brookings Institution, Washington, D.C., 1995. 378 p.
40. Åslund A. Russia's Capitalist Revolution: Why Market Reforms Succeeded and Democracy Failed? Peterson Institute for International Economics, Washington, D.C., October 2007. 356 p.
41. Blanchard O. The Economics of Post-Communist Transition. Oxford University Press, Oxford, 1997. 149 p.
42. Blanchard O., Dornbusch R., Krugman P., Layard R., Summers L. Reform in Eastern Europe. The United Nations University, 1991. 98 p.
43. Cohen S.F. Failed Crusade. America and the Tragedy of Post-Communist Russia. W.W. Norton & Company, New York, London, 2000. 305 p.
44. Dewatripont M., Roland G. The Virtues of Gradualism and Legitimacy in the Transition to a Market Economy // The Economic Journal, March 1992. Volume 102, Issue 411, 291-300 pp.
45. De Melo M., Denizer C., Gelb A. From Plan to Market: Patterns of Transition. Policy Research Working Paper 1564, The World Bank Policy Research Department, Transition Economics Division, January 1996, 63 p.
46. Doing Business 2007: How to Reform. Comparing Regulation in 175 Economies. / A Copublication of the World Bank and International Finance Corporation, The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank, Washington, DC, 2006. 187 p.
47. Doing Business 2012: Doing Business in a More Transparent World. Comparing Regulation for Domestic Firms in 183 Economies. / A copublication of The World Bank and the International Finance Corporation, The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank, Washington, DC, 2012. 200 p.
48. Doing Business 2019: Training for Reform. Comparing Business Regulation for Domestic Firms in 190 Countries. / The World Bank Group, Washington, DC, 2018. – 304 p.
49. EBRD, Sector Transition Scores. – URL: <https://www.ebrd.com/cs/Satellite?c=Content&cid=1395236497710&d=Mobile&pagename=EBRD%2FContent%2FContentLayout> (дата обращения – 08.11.2018).
50. EBRD, Transition Indicators by Country. – URL: <https://www.ebrd.com/cs/Satellite?c=Content&cid=1395245467784&d=&pagename=EBRD%2FContent%2FDownloadDocument> (дата обращения – 08.11.2018).
51. From Plan to Market. World Development Report 1996. The World Bank, Oxford University Press, 1996. 241 p.
52. Ganev V.I. Preying on the State: the Transformation of Bulgaria after 1989. Cornell University Press, Ithaca and London, 2007. 222 p.
53. Gregory P., Stuart R. Russian and Soviet Economic Performance and Structure. Seventh edition. Addison Wesley Longman, Inc., 2001. 502 p.
54. Hewett E. Open for Business: Russia's Return to the Global Economy / Ed. A. Hewett with C. G. Gaddy. The Brookings Institution, Washington, D.C., 1992. 164 p.

55. International Trade Centre. – URL: <http://www.intracen.org/itc/market-info-tools/statistics-export-country-product/> (дата обращения – 08.11.2018).
56. Kolodko G.W. *From Shock to Therapy: the Political Economy of Postsocialist Transformation*. Oxford University Press, 2000. 457 p.
57. Kolodko G. W., Gotz-Kozierkiewicz D., Skrzyszewska-Paczek E. *Hyperinflation and Stabilization in Postsocialist Economies*. Kluwer Academic Publishers, Norwell, MA, 1992. 184 p.
58. Kornai J. *The Socialist System: The Political Economy of Communism*. Clarendon Press, Oxford, 1992. 644 p.
59. Kotz D. M., Weir F. *Revolution from Above: the Demise of the Soviet System*. Routledge, London and New York, 1997. 302 p.
60. Lankes H.-P., Guriev S. *The EBRD and transition*. The EBRD. – URL: <https://www.ebrd.com/our-values/transition.html> (дата обращения 08.11.2018).
61. Leitzel J. *Russian Economic Reform*. Routledge, London and New York, 1995. 193 p.
62. Murrell P. *Evolutionary and Radical Approaches to Economic Reform // Economics of Planning*, January 1992. Volume 25, Issue 1, pp. 79-95.
63. Ofer G. *Soviet Economic Growth: 1928-1985*. RAND/UCLA Center for the Study of Soviet International Behavior. May 1988. 102 p.
64. Reddaway P., Glinski D. *The Tragedy of Russia's Reforms: Market Bolshevism Against Democracy*. United States Institute of Peace Press, Washington, D.C., 2001. 745 p.
65. Roland G. *On the Speed and Sequencing of Privatization and Restructuring // The Economic Journal*, September 1994. Volume 104, Issue 426, 1158-1168 pp.
66. Rosefelde S. *Russia: An Abnormal Country // The European Journal of Comparative Economics*. 2005. Vol. 2, N. 1, pp. 3-16.
67. Sachs J.D. *The End of Poverty: Economic Possibilities for Our Time*. The Penguin Press, New York, 2005. 396 p.
68. Shleifer A., Treisman D. *A Normal Country*. NBER Working Paper Series, Working Paper 10057, Cambridge, MA, October 2003. 46 p.
69. Shleifer A., Treisman D. *Without a Map: Political Tactics and Economic Reform in Russia*. The MIT Press, 2001. 240 p.
70. Stiglitz J. E. *Globalization and Its Discontents*. Penguin Books, 2002. 288 p.
71. Stiglitz J. E. *The Post Washington Consensus Consensus*. The Initiative for Policy Dialogue, 2004. 15 p.
72. *The Global Competitiveness Index database*. – URL: https://tcdata360.worldbank.org/indicators/gci?country=ARM&indicator=632&viz=line_chart&years=2007,2017#table-link (дата обращения – 05.11.2018).
73. *The Global Competitiveness Report 2017-2018*. / K. Schwab (editor), X. Sala-i-Martin (chief advisor). World Economic Forum, Geneva, 2017. 380 p.
74. *The Polish Miracle: Lessons from the Emerging Markets* / Edited by G.W. Kolodko. Ashgate, Aldershot and Burlington, VT, 2005. 295 p.
75. *The Transformation of Central Asia: States, Societies from Soviet Rule to Independence* / Edited by P.J. Luong. Cornell University Press, Ithaca and London, 2004. 332 p.
76. *The Washington Consensus Reconsidered: Towards a New Global Governance* / Edited by N. Serra, J.E. Stiglitz. The Initiative for Policy Dialogue Series. Oxford University Press, Oxford and New York, 2008. 382 p.
77. *Transition and Beyond* / Edited by S. Estrin, G.W. Kolodko, M. Uvalic. Palgrave Macmillan, Basingstoke and New York, 2007. 307 p.
78. *Transition Report 1994*. The European Bank for Reconstruction and development, London, October 1994. 192 p.
79. *Transition Economies: An IMF Perspective on Progress and Prospects*. The International Monetary Fund, 00/08, 3 November 2000. – URL: <https://www.imf.org/external/np/exr/ib/2000/110300.htm> (дата обращения – 07.11.2018).
80. Williamson J. *What Washington Means by Policy Reform. // Latin American Readjustment: How Much has Happened*. / Edited by J. Williamson, Washington: Peterson Institute for International Economics, 1989.
81. *World Development Indicators, 2018*. – URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators#> (дата обращения – 05.11.2018).

References

1. Agreement about the Eurasian Economic Union (signed in the city of Astana on 29.05.2014), (revised as of 11.04.2017). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/0be36c1fcadd0cdd1f8c0984ef99fbc7d8da61b9/ (accessed – 27.10.2018).
2. The Federal Law “On Industrial Policy in the Russian Federation”, as of 31.12.2014 N 488-FZ.
3. The Decree of the Eurasian Intergovernmental Council of 25 October 2017 No.17 “About

- the Plan of Measures (the “Roadmap”) on Abolishment of Derogations and Restrictions on the Internal Market of the Eurasian Economic Union for the period of 2018 – 2019”.
4. The Agreement about Harmonization of Legislation of Members States of the Eurasian Economic Union in the sphere of Financial Market (Moscow, 6 November 2018) (document not in force).
 5. Basic Documents of the European Bank for Reconstruction and Development, London, April 1991, revised September 2013. 88 p.
 6. «The White Paper». Barriers, Derogations and Restrictions in the Eurasian Economic Union. The report, Moscow, EEC, 2017. 38 p.
 7. About Situation on Elimination of Barriers Hindering the Functioning of the Internal Market of the Eurasian Economic Union for the Mutual Access as well as of Derogations and Restrictions with regard to the Movement of Products, Services, Capital and Labour. The Analytical Report of the Eurasian Economic Commission. Moscow, EEC, 2015. 38 p.
 8. Aghion P., Blanchard O. J. (1994). On the Speed of Transition in Central Europe, NBER Working Paper No. 4736, May 1994.
 9. Åslund A. (1995). How Russia Became a Market Economy. The Brookings Institution, Washington, D.C. 378 p.
 10. Åslund A. (2002). Building Capitalism. The Transformation of the Former Soviet Bloc. Cambridge University Press. 508 p.
 11. Åslund A. (2007). Russia’s Capitalist Revolution: Why Market Reforms Succeeded and Democracy Failed? Peterson Institute for International Economics, Washington, D.C., October 2007. 356 p.
 12. Åslund A. (2013). How Capitalism Was Built: the Transformation of Central and Eastern Europe, Russia, the Caucasus, and Central Asia. Second edition. Cambridge University Press. 423 p.
 13. Belousov A.R. (2006). The Evolution of the System of the Russian Economy’s Reproduction: from Crisis to Development. MAKS Press, Moscow. 396 p.
 14. Blanchard O., Dornbusch R., Krugman P., Layard R., Summers L. (1991). Reform in Eastern Europe. The United Nations University. 98 p.
 15. Blanchard O. (1997). The Economics of Post-Communist Transition. Oxford University Press, Oxford. 149 p.
 16. Brodsky B. E. (2005). Lectures on Macroeconomics of Transition: Textbook for Higher Educational Institutions. State University – Higher School of Economics. Publishing House of SU-HSE, Moscow. 223 p.
 17. Buzgalin A. V., Kolganov A. I. (1996). Patterns and Models of a Transition Economy. Vestnik of Moscow University. Series 6: Economics. No.1, pp. 22-32.
 18. Buzgalin A.V ., Kolganov A. I. (2003). The Theory of Social-Economic Transformations. Past, Present and Future of Economies of “Real Socialism” in the Global Postindustrial World. Textbook for students with economics specialisations. TEIS, Moscow. 680 p.
 19. Cohen S. F. (2000). Failed Crusade. America and the Tragedy of Post-Communist Russia. W.W. Norton & Company, New York, London. 305 p.
 20. De Melo M., Denizer C., Gelb A. (1996). From Plan to Market: Patterns of Transition. Policy Research Working Paper 1564, the World Bank Policy Research Department, Transition Economics Division, January 1996, 63 p.
 21. Dewatripont M., Roland G. (1992). The Virtues of Gradualism and Legitimacy in the Transition to a Market Economy. The Economic Journal, March 1992. Volume 102, Issue 411, 291-300 pp.
 22. DoingBusiness2007: How to Reform. Comparing Regulation in 175 Economies. / A Copublication of the World Bank and International Finance Corporation, The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank, Washington, DC, 2006. 187 p.
 23. Doing Business 2012: Doing Business in a More Transparent World. Comparing Regulation for Domestic Firms in 183 Economies. / A copublication of The World Bank and the International Finance Corporation, The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank, Washington, DC, 2012. 200 p.
 24. Doing Business 2019: Training for Reform. Comparing Business Regulation for Domestic Firms in 190 Countries. / The World Bank Group, Washington, DC, 2018. – 304 p.
 25. EBRD, Sector Transition Scores. – URL: <https://www.ebrd.com/cs/Satellite?c=Content&cid=1395236497710&d=Mobile&pagename=EBRD%2FContent%2FContentLayout> (accessed – 08.11.2018).
 26. EBRD, Transition Indicators by Country. – URL: <https://www.ebrd.com/cs/Satellite?c=Content&cid=1395245467784&d=&pagename=EBRD%2FContent%2FDownloadDocument> (accessed – 08.11.2018).
 27. Freinkman L. M., Dashkeev V. V., Muftyakhetdinova M. R. (2009). The Analysis of Institutional

- Dynamics in Transition Economies / Research publications. The Institute for the Economy in Transition, No.126. IET, Moscow. 252 p.
28. From Plan to Market. World Development Report 1996. The World Bank, Oxford University Press, 1996. 241 p.
29. Gaidar Ye. T. (1996). Abnormalities of Economic Growth. *Voprosy ekonomiki*. No.12, pp. 12-39.
30. Gaidar Ye. T. (1998). The Term – Economics of Transition. – URL: <https://www.iep.ru/ru/publikacii/publication/12.html> (accessed – 06.11.2018).
31. Gaidar Ye. T. (2005). The Long Time. Russia in the World: Essays of Economic History. Delo, Moscow. 1080 p.
32. Ganey V. I. (2007). Preying on the State: the Transformation of Bulgaria after 1989. Cornell University Press, Ithaca and London. 222 p.
33. Glazyev S. Yu. (2012). Liberal reforms in Russia: Truth and Myths. *Mir Rossii: Sociology, Ethnology*. V.21, No.1, pp. 37-53.
34. Gregory P., Stuart R. (2001). Russian and Soviet Economic Performance and Structure. Seventh edition. Addison Wesley Longman, Inc. 502 p.
35. Grigoryev L. M. (2012). The Timeline of Reforms. Economic Reforms of the End of the 20th Century: Lessons Learnt of the Modern History. *Mir Rossii: Sociology, Ethnology*. V.21, No.1, pp. 11-23.
36. Hewett E. (1992). Open for Business: Russia's Return to the Global Economy / Ed. A. Hewett with C. G. Gaddy. The Brookings Institution, Washington, D.C. 164 p.
37. International Trade Centre. – URL: <http://www.intracen.org/itc/market-info-tools/statistics-export-country-product/> (accessed – 08.11.2018).
38. Khanin G.I. (2008-2014). The Economic History of Russia of Late Modern Times and Contemporary Period. In 3 Vol. Novosibirsk State Technical University.
39. Kolodko G.W. (2000). From Shock to Therapy: the Political Economy of Postsocialist Transformation. Oxford University Press. 457 p.
40. Kolodko G. W., Gotz-Kozierkiewicz D., Skrzyszewska-Paczek E. (1992). Hyperinflation and Stabilization in Postsocialist Economies. Kluwer Academic Publishers, Norwell, MA. 184 p.
41. Kolov Yu. N. (2014). Problems of the Theory of Economics of Transition. *Vestnik of Tomsk State University*. No.283, pp. 141-148.
42. Kornai J. (1992). The Socialist System: The Political Economy of Communism. Clarendon Press, Oxford. 644 p.
43. Kotz D. M., Weir F. (1997). Revolution from Above: the Demise of the Soviet System. Routledge, London and New York. 302 p.
44. Lankes H.-P., Guriev S. (2016). The EBRD and transition. The EBRD. – URL: <https://www.ebrd.com/our-values/transition.html> (дата обращения 08.11.2018).
45. Learning the Market. / Edited by S.Yu. Glazyev. *Ekonomika*, Moscow, 2004. 639 p.
46. Leitzel J. (1995). Russian Economic Reform. Routledge, London and New York. 193 p.
47. “Made in Our Country”, Web-portal. (2018). – URL: <https://sdelanounas.ru/> (accessed – 10.11.2018).
48. Mau V.A. (1999). Anti-Stiglitz (Russian Economic Reforms as Perceived by Western Critics). *Voprosy ekonomiki*. No.11-12.
49. Mau V.A. (2016). Crises and Lessons Learnt. The Economy of Russia in Times of Turbulence. The Publishing House of the Gaidar Institute, Moscow. 488 p.
50. Mau V. A., Sinelnikov-Murylev S. G., Trofimov G. Yu. (1996). Macroeconomic Stabilisation and Trends in the Economic Policy of Russia in 1995-1996. *Voprosy ekonomiki*. No.5, pp. 4-28.
51. Murrell P. (1992). Evolutionary and Radical Approaches to Economic Reform. *Economics of Planning*, January 1992. Volume 25, Issue 1, pp. 79-95.
52. Ofer G. (1988). Soviet Economic Growth: 1928-1985. RAND/UCLA Center for the Study of Soviet International Behavior. May 1988, 102 p.
53. Radaev V.V. (1996.) The Conceptual Basics of the Analysis of Economics of Transition. *Vestnik of Moscow University. Series 6: Economics*. No.1, pp. 5-21.
54. Reddaway P., Glinski D. (2001). The Tragedy of Russia's Reforms: Market Bolshevism Against Democracy. United States Institute of Peace Press, Washington, D.C. 745 p.
55. Roland G. (1994). On the Speed and Sequencing of Privatization and Restructuring. *The Economic Journal*, September 1994. Volume 104, Issue 426, 1158-1168 pp.
56. Rosefield S. (2005). Russia: An Abnormal Country. *The European Journal of Comparative Economics*. Vol. 2, N. 1, pp. 3-16.
57. Sachs J. D. (2005). The End of Poverty: Economic Possibilities for Our Time. The Penguin Press, New York. 396 p.
58. Shleifer A., Treisman D. (2001). Without a Map: Political Tactics and Economic Reform in Russia. The MIT Press. 240 p.
59. Shleifer A., Treisman D. (2003). A Normal Country. NBER Working Paper Series,

- Working Paper 10057, Cambridge, MA, October 2003. 46 p.
60. Stiglitz J. (1999). Whither Reform? Ten Years of the Transition. *Voprosy ekonomiki*. No.7, pp. 4-40.
 61. Stiglitz J. E. (2002). *Globalization and Its Discontents*. Penguin Books. 288 p.
 62. Stiglitz J. E. (2004). The Post Washington Consensus Consensus. *The Initiative for Policy Dialogue*. 15 p.
 63. *The Course of Economics of Transition*. / Edited by L. I. Abalkin. *Finstatinform*, Moscow, 1997. 631 p.
 64. *The Economics of Transition. Essays on Economic Policy of Postcommunist Russia. 1991-1997*. / Edited by Ye.T. Gaidar. IET, Moscow, 1998. 1114 p.
 65. *The Economy Remains Dependent on Kumtor. The Informational-analytical web-portal Sayasat.kg*, 14.08.2018. – URL: <http://www.sayasat.kg/economics/64249-gdp-for-the-first-time-in-two-years-gone-economy-remains-dependent-on-kumtor.html> (accessed - 11.11.2018).
 66. *The Global Competitiveness Index database*. – URL: https://tcdata360.worldbank.org/indicators/gci?country=ARM&indicator=632&viz=line_chart&years=2007,2017#table-link (дата обращения – 05.11.2018).
 67. *The Global Competitiveness Report 2017-2018*. / K. Schwab (editor), X. Sala-i-Martin (chief advisor). World Economic Forum, Geneva, 2017. 380 p.
 68. *The History of the Economy of the USSR and Russia in the End of the 20th Century (1985-1999)*. / Edited by A.A. Klishas (T. A. Drobyshevskaya, V. A. Mau, S. M. Shakhrai, A. A. Yanik). The Modern History Fund, Publishing House of the Moscow University, Moscow, 2011. 272 p.
 69. *The Polish Miracle: Lessons from the Emerging Markets* / Edited by G. W. Kolodko. Ashgate, Aldershot and Burlington, VT, 2005. 295 p.
 70. *The Transformation of Central Asia: States, Societies from Soviet Rule to Independence* / Edited by P. J. Luong. Cornell University Press, Ithaca and London, 2004. 332 p.
 71. *The Transformational Economy of Russia: Textbook* / A.V. Buzgalin, V. V. Gerasimenko, Z. A. Grandberg et al. Edited by A. V. Buzgalin. Finance and Statistics, Moscow, 2014. 616 p.
 72. *The Transition Economy: Textbook*. / Edited by V. V. Radaev, A. V. Buzgalin. The Publishing House of MSU, Moscow, 1995. 410 p.
 73. *The Washington Consensus Reconsidered: Towards a New Global Governance* / Edited by N. Serra, J. E. Stiglitz. *The Initiative for Policy Dialogue Series*. Oxford University Press, Oxford and New York, 2008. 382 p.
 74. *Theoretical Foundations of the National Economy* / In “*The Course of Economic Theory: General Foundations of Economic Theory, Microeconomics, Macroeconomics, Economics of Transition*”: Textbook. / Edited by A. V. Sidorovich. Delo i Servis, Moscow, 2001.
 75. *Transition and Beyond* / Edited by S. Estrin, G. W. Kolodko, M. Uvalic. Palgrave Macmillan, Basingstoke and New York, 2007. 307 p.
 76. *Transition Economies: An IMF Perspective on Progress and Prospects*. The International Monetary Fund, 00/08, 3 November 2000. – URL: <https://www.imf.org/external/np/exr/ib/2000/110300.htm> (дата обращения – 07.11.2018).
 77. *Transition Report 1994*. The European Bank for Reconstruction and development, London, October 1994. 192 p.
 78. Treivish A.I. (2002). Industry of Russia within a Period of 100 Years. In “*Russia in the Surrounding World: 2002 (The Analytical Yearbook)*”. Publishing House of MNEPU, Moscow, pp. 11-38.
 79. Williamson J. (1989). What Washington Means by Policy Reform. // *Latin American Readjustment: How Much has Happened*. / Edited by J. Williamson, Washington: Peterson Institute for International Economics.
 80. *World Development Indicators, 2018*. – URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators#> (accessed – 05.11.2018).
 81. Yasin Ye.G. (2002). *The Russian Economy. Origins and Prospects of Market Reforms; The Lecture Course*. SU-HSE, Moscow. 437 p.